

*Его выбор – предательство.
Ее – мечь.*

ВОССТАНИЕ КОРОЛЕВЫ

РЕБЕККА РОСС

Ребекка Росс

Восстание королевы

Серия «Восстание королевы», книга 1

Серия «Лучшее молодежное фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50370872

Р. Росс. Восстание королевы: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-114680-1

Аннотация

Живопись, Музыка, Драматургия, Интрига, Наука. Я должна была выбрать одну из пяти страстей, к которой у меня есть способности, и на протяжении семи лет изучать ее, чтобы стать госпожой страсти и обрести покровителя. Для этого и поступают в Дом Магналии – статусное учебное заведение для богатых и талантливых девочек. Я не могу похвастаться ни богатством, ни талантами – и все же я оказалась в Доме Магналии и провела здесь семь лет. Все, о чем я мечтала, – завершить свое обучение и быть избранной покровителем. Но я и подумать не могла, что им станет опальный лорд, готовящий заговор против короны. Теперь, на пороге войны, мне предстоит выбрать, на чьей стороне я готова сражаться... и кого готова предать.

Содержание

Действующие лица	5
Пролог	17
Часть 1. Магналия	28
Глава 1. Письма и уроки	29
Глава 2. Мэванский портрет	52
Глава 3. «Шахи и клетки»	63
Глава 4. Три ветви	72
Глава 5. Камень Сумерек	83
Глава 6. Падение	97
Глава 7. Подслушивание	115
Глава 8. Летнее солнцестояние	124
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Ребекка Росс

Восстание королевы

Rebecca Ross

The Queen's Rising

© 2018 by Rebecca Ross LLC

© К. Воронцова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Рут и Мэри, госпоже Живописи и госпоже Науки

Действующие лица

Дом Магналии

Вдова Магналии

Ариалы Магналии:

Солен Северин, госпожа Живописи

Эвелина Боден, госпожа Музыки

Ксавье Аллар, господин Драматургии

Тереза Берже, госпожа Интриги

Картье Эварист, господин Науки

Избранные Магналии:

Ориана Дю Буа, избранная Музыки

Абри Кейви, избранная Драматургии

Сибилла Фонтен, избранная Интриги

Цири Монтань, избранная Науки

Бриенна Кольберт, избранная Науки

Посетители Магналии:

Франсис, курьер

Рольф Паке, дед Бриенны

Моника Лавуа, покровитель
Николя Бабино, покровитель
Брис Матье, покровитель

Дом Журдена

Альдери́к Журден
Люк Журден
Амадина Журден
Жан-Давид, слуга и кучер
Агнес Коте, управляющая
Пьер Фор, повар
Лайам о'Брайан, тан

Те, кто связан с Журденом:
Гектор Лоран (Брэден Кавана)
Изольт Лоран (Изольда Кавана)
Тео д'Арамитц (Эодан Морган)

Дом Аллена

Брендан Аллена, лорд
Райан Аллена, старший сын
Шон Аллена, младший сын

Другие:

Гилрой Ланнон, король Мэваны

Лиадан Кавана, первая королева Мэваны

Тристан Аллена

Нора Кавана, принцесса Мэваны, третья из дочерей коро-
левы

Эван Берне, печатник

Четырнадцать Домов Мэваны

Аллена Прозорливые

Кавана Яркие †

Берки Старшие

Ланноны Яростные

Карраны Отважные

Мак-Браны Милосердные

Дермотты Возлюбленные

Мак-Кари Справедливые

Данны Мудрые

Мак-Финли Задумчивые

Фитцсиммонсы Благородные

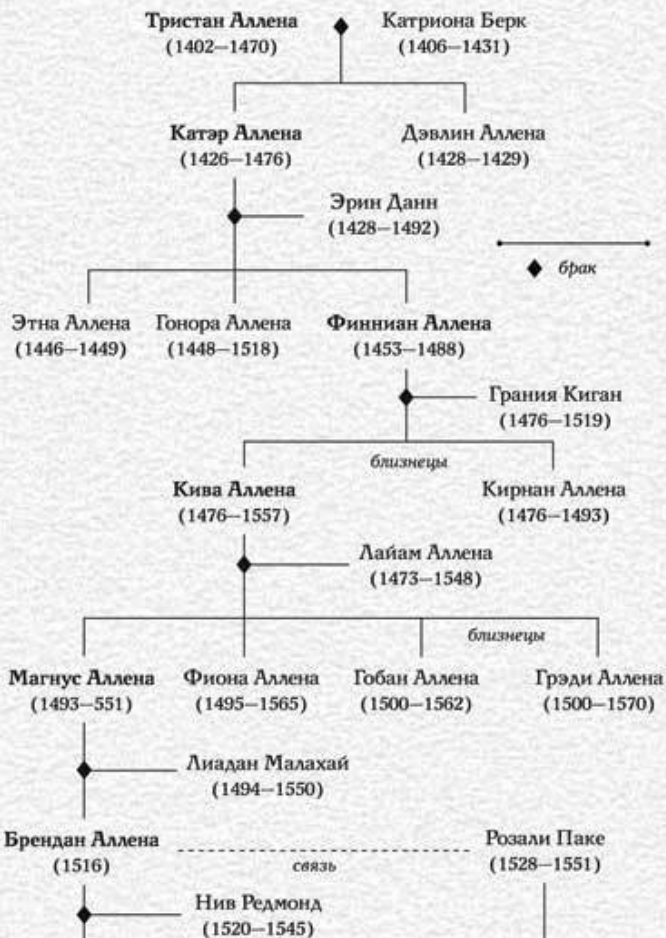
Мак-Квины Стойкие †

Халлораны Честные

Морганы Быстрые †

† Поверженные дома

АЛЛЕНА

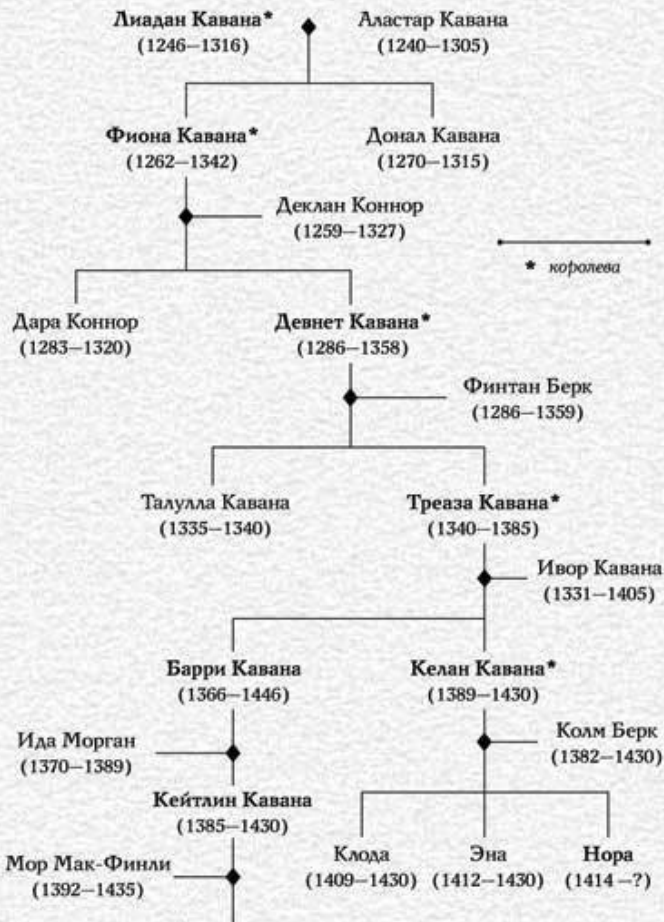
МАК-КВИНЫ

МОРГАНЫ

КАВАНА

КАВАНА

(продолжение)

Пролог

Середина лета 1559 года.

Провинция Анжелик, королевство Валения.

Дом Магналии был особым заведением – местом, где только богатые, талантливые девочки развивали свои таланты. Он не открывал дверей бездарным и незаконнорожденным, тем более – тем, кто противостоял королям. Я, конечно же, обладала всеми этими недостатками.

Мне было десять лет, когда дедушка впервые привез меня в Магналию. Стоял самый жаркий день лета, по небу плыли пышные, готовые разразиться грозой облака – именно тогда я решилась задать вопрос, преследовавший меня с тех пор, как я оказалась в приюте.

– Дедушка, кто мой отец?

Он сидел напротив меня, с мутными от жары глазами. Мой вопрос заставил его вздрогнуть. Дедушка был достойным человеком, хорошим, но очень скрытным. Из-за этого, думаю, он избегал меня – внебрачного ребенка своей любимой умершей дочери.

Но в тот жаркий день он оказался наедине в карете со мной, и я задала вопрос, на который ему пришлось ответить. Взглянув мне в лицо, – выжидавшее и полное надежды, – он нахмурился так, словно я попросила его достать с неба луну.

– Твой отец – недостойный человек, Бриенна.

– У него есть имя? – настаивала я. Жара делала меня более дерзкой, а стариков вроде дедушки – смягчала. Я была уверена, что он наконец раскроет тайну моего происхождения.

– У всех есть имена. – Дедушка начал сердиться. Мы уже два дня путешествовали в этом пекле.

Я смотрела, как он вытаскивает платок и вытирает покрытый морщинами лоб, пятнистый, словно яйцо перепелки. У него были красное лицо, огромный нос и грива седых волос. Говорили, что моя мать была миловидной и что я – ее отражение, и все же с трудом верилось, чтобы кто-то столь безобразный, как дедушка, мог породить что-то прекрасное.

– Бриенна, дитя, зачем тебе о нем спрашивать? – вздохнул он, чуть смягчившись. – Давай лучше поговорим о том, что нас ждет, о Магналии.

Я проглотила разочарование как мраморный шарик и решила, что не хочу обсуждать Магналию.

Карета свернула, прежде чем мне удалось проявить упрямство. Выбоины остались позади, и колеса покатали по гладкому камню. Я выглянула в заляпанное грязью окно. Сердце забилося быстрее, и я наклонилась ближе, прижав ладошки к стеклу.

Сперва показались деревья – длинные ветви нависали над дорогой, словно заключая ее в объятия. Лошади лениво щипали траву на полях – их шкуры влажно блестели на летнем солнце. Вдали, за пастбищами, синели горы Валении –

хребет нашего королевства. Зачарованная этим зрелищем, я забыла о недовольстве. Передо мной лежала земля, полная приключений и тайн.

Под сенью дубовых ветвей мы медленно взобрались на холм и наконец остановились в просторном дворе. Сквозь марево дорожной пыли я глядела на крошившиеся серые стены, сверкавшие окна и ползучий плющ – на Дом Магналии.

– Послушай меня, Бриенна, – начал дедушка, засовывая платок в карман. – Ты должна вести себя наилучшим образом. Как если бы встретила короля Филиппа. Улыбаться, делать реверансы и не говорить ничего неуместного. Сделаешь это для своего дедушки?

Я кивнула, внезапно потеряв голос.

– Очень хорошо. Будем надеяться, Вдова тебя примет.

Кучер открыл дверь, и дедушка подвинулся, пропуская меня вперед. На дрожащих ногах я вышла из кареты. Вытянула шею и, окинув взглядом огромное поместье, почувствовала себя очень маленькой.

– Сначала я поговорю с Вдовой наедине, а затем ты с ней познакомишься, – объяснял дедушка, ведя меня по лестнице к дверям Дома. – Помни: ты должна быть вежливой. Это место – для воспитанных девочек.

Позвонив в колокольчик, он смерил меня оценивающим взглядом. Мое темно-синее платье смялось в дороге, косички расплелись, волосы волнами падали на лицо. Дверь отво-

рилась раньше, чем дедушка успел выразить неодобрение. Держась за руки, мы вошли в Дом Магналии и оказались в синем сумраке прихожей.

Дедушку пригласили в кабинет Вдовы, а я осталась ждать в коридоре. Дворецкий разрешил мне сесть на скамью, и там, одна, среди подушек, я ждала, нервно болтая ногами и разглядывая черно-белый, как шахматная доска, пол. В доме царила тишина, столь глубокая, что он казался мертвым. В его безмолвии до меня долетал разговор дедушки и Вдовы. Слова струились из-за закрытых дверей кабинета.

– Как проявляется ее страсть? – спросила Вдова. Ее голос был глубоким и нежным, как дым, поднимающийся к небу осенней ночью.

– Ей нравится рисовать... У нее действительно хорошо получается. Кроме того, у девочки очень живое воображение – она станет замечательной актрисой. И – музыка... Моя дочь прекрасно владела лютней. Уверен: Бриенна унаследовала ее талант. Что еще?... А, да, в приюте говорят, она любит читать. Дважды прочла все их книги, – хаотично перечислял дедушка мои увлечения. Знал ли он вообще, о чем говорил, не увидев ни одного моего рисунка и не услышав ни одной моей истории?

Я соскользнула со скамьи и, подобравшись ближе к двери, прижалась к ней ухом, стараясь уловить каждое слово.

– Это замечательно, мсье Паке, но вы должны понимать, что выражение «пестовать страсть» означает, что ваша внуч-

ка должна развивать *один* талант из пяти, а не все сразу.

Я вспомнила о каждом из них. Живопись. Музыка. Драматургия. Интрига. Наука. Магналия была местом, где девочка становилась *избранной*, ученицей. Она могла выбрать одну страсть из пяти и развивать ее под руководством наставников, господина или госпожи. Когда выбранный талант раскрывался полностью, ей даровали титул и плащ – знак достижений и статуса. Она становилась госпожой Живописи, госпожой Интриги или другой страсти.

Сердце забилось как безумное, ладони вспотели, стоило только мне вообразить себя госпожой.

Какую из страстей я предпочла бы, если бы Вдова меня выбрала?

Не успела я подумать об этом, как дедушка сказал:

– Поверьте, Бриенна – талантливая девочка. Она преуспеет в любом искусстве.

– Прекрасно, что вы так думаете, но должна предупредить... в моем Доме ей будет трудно: конкуренция очень высока. У меня уже есть пять избранных для сезона страстей. Если я возьму вашу внучку, одному из моих ариалов придется учить двух девочек. Такого еще не случалось...

Я гадала, что означает «ариал»: может, наставник? – как услышала скрип и отпрыгнула от дверей, ожидая, что они распахнутся и меня застигнут на месте преступления. Но, похоже, это дедушка ерзал в кресле.

– Уверяю, мадам, с Бриенной не будет хлопот. Она очень

послушна.

– Но вы говорите, девочка из приюта. Она живет под другим именем. Почему? – спросила Вдова.

Дедушка медлил. Я всегда гадала: как получилось, что у нас с ним разные фамилии? Шагнув к дверям, я снова приложила ухо к дереву...

– Чтобы защитить ее от отца, мадам.

– Мсье, боюсь, я не могу принять девочку, если ей угрожает опасность...

– Пожалуйста, послушайте меня, мадам, всего минуту. Бриенна – дитя двух стран. Ее мать – моя дочь – из Валении, а отец – из Мэваны. Он знает, что она жива, и меня тревожило... тревожило, что он станет ее искать и найдет по моей фамилии.

– Почему это вас так страшит?

– Потому что ее отец...

В конце коридора хлопнула дверь, по плитам затопали сапоги. Я метнулась к скамье, запнулась и упала на нее – приземистые ножки проскрежетали по полу, как гвозди – по школьной доске.

Мои щеки горели от стыда, и я не осмелилась поднять глаза, когда владелец сапог приблизился и встал прямо передо мной.

Я думала, это дворецкий, но, подняв глаза, увидела молодого человека необычайной красоты, с волосами золотыми, как пшеничное поле в летний день. Он оказался высоким и

нарядно одетым. На его бриджах и тунике не было ни складочки, но самое главное – он носил голубой плащ.

Он был господином, господином Науки – голубой считался их цветом – и только что увидел, как я шпионила за Вдовой.

Молодой человек медленно опустил на корточки, чтобы поймать мой настороженный взгляд. В руках он держал книгу, и я заметила, что его глаза были одного цвета с плащом – васильковыми.

– И кто же ты? – поинтересовался он.

– Бриенна.

– Красивое имя. Ты будешь избранной в Магналии?

– Не знаю, мсье.

– Но ты этого хочешь?

– Да, очень, мсье.

– Не нужно звать меня «мсье», – мягко поправил он.

– Как же тогда, мсье?

Он не ответил. Просто смотрел на меня, склонив голову набок, – светлые волосы падали на плечо как солнечные лучи. Мне хотелось, и чтобы он ушел, и чтобы говорил со мной дальше.

В этот миг двери кабинета открылись. Господин Науки поднялся и повернулся на звук, но я не отводила глаз от его плаща и вышитого на спине созвездия – серебряного на голубом. Я любовалась им, сгорая от желания знать, что оно означает.

– А, господин Картье, – поздоровалась стоявшая на пороге Вдова. – Прошу, проводите Бриенну в мой кабинет.

Он протянул мне руку ладонью вверх. Наши пальцы медленно переплелись. Моя ладонь была горячей, его – прохладной. Я шла за ним по коридору навстречу Вдове. Прежде чем уйти, господин Картье чуть сжал мою руку, словно хотел, чтобы я не боялась, держалась прямо и с достоинством и заняла свое место в Доме.

Я вошла в кабинет, и двери с мягким щелчком закрылись. Дедушка сидел в кресле. Рядом было еще одно – для меня. Я села, стараясь не шуметь. Вдова, шелестя платьем, обогнула стол и встала за ним.

Она казалась строгой. Высокий лоб Вдовы был открыт, напоминая о годах, когда ее собственные волосы скрывала тяжесть царственных париков. Теперь седые локоны едва виднелись из-под черного бархатного чепца, аккуратно облежавшего голову. На Вдове было темно-красное платье с низкой талией и квадратным, украшенным жемчужинами вырезом. Любуясь ее благородной старостью, я поняла, что она могла подарить мне особенную жизнь, раскрыть мою страсть.

– Приятно с тобой познакомиться, Бриенна, – улыбнувшись, проговорила Вдова.

– Мадам, – ответила я, вытирая вспотевшие ладони о платье.

– Твой дедушка рассказывал о тебе много хорошего.

Кивнув, я взглянула на него, не понимая, чего ждать. Он

посмотрел на меня со странным блеском в глазах и снова скомкал платок, словно ему нужно было за что-то держаться.

– Какую страсть ты хотела бы развивать, Бриенна? – спросила Вдова, вновь привлекая мое внимание. – Возможно, у тебя есть врожденный талант?

Святые угодники, я не знала и лихорадочно принялась вспоминать... *живопись... музыка... драматургия... интрига... наука*. У меня точно не было ни особых способностей, ни тяги к одной из страстей. Я выпалила первое, что пришло в голову:

– Живопись, мадам.

К моему ужасу, Вдова открыла ящик стола, достала чистый пергамент и карандаш и положила их прямо передо мной.

– Нарисуй мне что-нибудь, – велела она.

Я не смотрела на дедушку, зная, что наша хитрость станет так же заметна, как поднимающийся к небу дым. Ему было известно, что я не художница, мне – тоже, но я вцепилась в карандаш так, словно это было правдой.

Я сделала глубокий вдох и попыталась представить то, что мне нравилось. Подумала о дереве, возвышавшемся на заднем дворе приюта, – корявом старом дубе, по которому так здорово было лазить. И сказала себе, что кто угодно может изобразить дерево.

Пока я рисовала, Вдова беседовала с дедушкой: они решили предоставить меня самой себе. Закончив, я отложила

карандаш и стала ждать, глядя на то, что получилось.

Дуб вышел безобразным, совсем не таким, как я его представляла.

Вдова внимательно посмотрела на мой рисунок. Ее лоб прорезала еле заметная морщинка, но глаза остались бесстрастными.

– Ты уверена, что хочешь изучать живопись, Бриенна? – В ее голосе не слышалось недовольства, только нотка сомнения.

Я чуть не сказала ей: «Нет, мне здесь не место». А потом подумала о возвращении в приют, о том, что буду служанкой или кухаркой, как все другие воспитанницы, и поняла, что это – мой единственный шанс добиться в жизни чего-то большего.

– Да, мадам.

– Тогда я сделаю для тебя исключение. Пять девочек твоего возраста уже приняты в Магналию. Ты будешь шестой избранной, начнешь занятия живописью под руководством госпожи Солен. Проведешь здесь семь лет вместе со своими сестрами-избранными, учась, взрослея, готовясь к своему семнадцатому солнцестоянию – ко дню, когда станешь госпожой страсти и обретешь покровителя. – Вдова помедлила. От открывшихся перспектив у меня закружилась голова. – Тебя это устраивает?

Моргнув, я выдавила:

– Да, конечно, мадам!

– Очень хорошо. Мсье Паке, возвращайтесь в день осеннего равноденствия с Бриенной и платой за обучение.

Дедушка вскочил на ноги и поклонился Вдове. Его облегчение наполнило комнату словно запах одеколона.

– Благодарю вас, мадам. Это огромная честь. Бриенна вас не разочарует.

– Да, думаю, так и будет. – И Вдова кивнула.

Я встала и, сделав неловкий реверанс, пошла за дедушкой к дверям. Прежде чем оказаться в коридоре, я оглянулась.

Вдова грустно смотрела мне вслед. Я была еще ребенком, но уже знала этот взгляд. Что бы ни сказал дедушка, это его слова убедили ее принять меня, а вовсе не мой талант. Моих заслуг тут не было. Возможно, ее смягчило имя моего отца? Имя, мне неизвестное? Разве оно так важно?

Она считала, что приняла меня из милости, и мне никогда не стать госпожой страсти.

В этот миг я решила доказать, что она ошиблась.

Часть 1. Магналия

Семь лет спустя

Глава 1. Письма и уроки

Поздняя весна 1566 года

Дважды в неделю Франсис прятался в можжевельнике, цветущем у окна библиотеки. Порой я нарочно заставляла его ждать. Он был длинноногим и непоседливым, и мне нравилось представлять, как он скрючился в кустах. Но до начала лета оставалась всего неделя, а значит, надо было спешить. Пришло время сказать ему. Мое сердце замерло от этой мысли, едва я оказалась в тихом полуденном сумраке библиотеки.

Скажи ему: ты делаешь это в последний раз.

Я осторожно подняла оконную раму, вдыхая сладкие ароматы сада, когда Франсис вышел из кустов, перестав горбиться как горгулья.

– Ты любишь заставлять мужчин ждать, – проворчал он. Впрочем, он всегда меня так приветствовал. Его лицо обгорело на солнце, черная коса растрепалась. Коричневая форма курьера намочила от пота, солнце играло на маленьких бляшках, приколотых над сердцем, – знаках отличия. Он хвастался, что во всей Валении не найдется курьера быстрее, хотя ему, по слухам, уже двадцать один.

– В последний раз, Франсис, – предупредила я, чтобы не передумать.

– В последний? – откликнулся он, уже ухмыляясь. Я знала эту улыбку. Он пускал ее в ход, когда хотел добиться желаемого. – Почему?

– Почему?! – воскликнула я, отгоняя назойливого шмеля. – Ты еще спрашиваешь!

– Как бы там ни было, на сей раз вы нужны мне больше, чем когда либо, мадемуазель, – ответил курьер, вынимая два маленьких конверта из внутреннего кармана куртки. – До рокового летнего солнцестояния осталось восемь дней.

– Именно, Франсис, – оборвала я его, понимая, что у него в голове лишь моя сестра-избранная, Сибилла. – Всего восемь, а мне еще так многому надо научиться.

Я посмотрела на конверты у него в руках. Один предназначался Сибилле, другой – мне. Я узнала почерк бабушки. Он наконец написал. Мое сердце затрепетало при мысли о том, что могли скрывать складки пергамента...

– Волнуешься?

Мои глаза метнулись к лицу Франсиса.

– Конечно.

– Не стоит. Думаю, ты блестяще справишься. – На сей раз он меня не дразнил. В его голосе была искренность, трогательная и неподдельная. Как и он, я хотела бы верить, что в свое семнадцатое лето раскрою свою страсть, буду избрана.

– Думаю, господин Картье не считает...

– Кому какое дело до мыслей твоего наставника? – перебил меня Франсис, беспечно пожав плечами. – Главное – что

ты думаешь.

Я нахмурилась, представив, что господин Картье сказал бы на это.

Я знала его семь лет, а Франсиса – семь месяцев.

Мы познакомились в прошлом ноябре. Я сидела у открытого окна и ждала Картье к нашему вечернему уроку. Франсис проходил мимо по гравийной дорожке. Я знала, кто он такой, как и все мои сестры-избранные. Мы часто видели, как он доставлял письма в Магналию и забирал их из Дома, но это была первая встреча наедине – встреча, когда Франсис спросил меня, не смогу ли я передать Сибилле тайное послание. Я сделала это и оказалась вовлечена в их переписку.

– Мне не все равно, что думает господин Картье, потому что именно он должен признать, что я достойна стать госпожой, – не согласилась я.

– Святые угодники, Бриенна, – вздохнул Франсис. У его плеча кружила бабочка. – *Ты сама* должна признать, что достойна стать госпожой. Так не считаешь?

Я молчала, и Франсис поспешил этим воспользоваться:

– Кстати, я знаю, кого из покровителей Вдова пригласила на солнцестояние.

– Что? Но как?

Конечно, я уже все поняла. Франсис доставлял все письма, видел имена и адреса. Я прищурилась, когда на его щеках появились ямочки. Снова эта улыбка. Понятно, чем Франсис привлек Сибиллу, но мне он казался чересчур дерзким.

– Просто отдай эти проклятые письма, – воскликнула я, стараясь выхватить их у курьера из пальцев.

Он уклонился, предугадав мое движение.

– Тебя не интересуют имена покровителей? – поддразнил он. – Один из них станет твоим через восемь дней...

Я устремила на Франсиса невидящий взгляд. Его долго-вязая фигура и мальчишеское лицо не волновали меня. Сад изнывал от жары, жаждал дождя, листья подрагивали от едва заметного ветерка.

– Просто отдай мне письма.

– Если это мое последнее послание к Сибилле, я должен дописать еще кое-что.

– Великий боже, Франсис, у меня нет времени на твои игры.

– Просто принеси мне еще одно письмо, – начал умолять он. – Я не знаю, где Сибилла окажется через неделю.

Наверное, я почувствовала сострадание, жалость к влюбленному, чья страсть предназначалась не мне. Стоило ли проявить твердость или передать его послание, как раньше? Вздохнув, я согласилась, по большей части потому, что хотела прочесть письмо из дома.

Франсис наконец протянул мне конверты. Один – от девушки – я убрала в карман. Письмо Франсиса все еще оставалось у меня в руке.

– Почему ты написал по-дайрински? – спросила я, обратив внимание на неряшливо выведенный адрес. Он восполь-

зовался языком Мэваны, северной страны, где правила королева. *Моей Сибилле, Солнцу и Луне, жизни и свету.* Я едва не рассмеялась, но сумела сдержаться.

– Не читай! – выкрикнул Франсис, его щеки, и без того обожженные солнцем, залил румянец.

– Так написано на конверте, дурачок. Конечно, я прочту.
– Бриенна...

Он потянулся ко мне. Я наконец могла его подразнить, но услышала, как распахнулась дверь библиотеки. Не нужно было оглядываться, чтобы понять: это господин Картье. Я видела его каждый день в течение трех лет и чувствовала, когда его незримое присутствие наполняло комнату.

Сунув письмо Франсиса в карман к дедушкиному, я сделала большие глаза и начала закрывать окно. Он не сразу меня понял, и я прищемила ему пальцы. Франсис вскрикнул от боли, но я надеялась, что Картье слышал лишь скрип опускаемой рамы.

– Господин Картье, – хрипло поприветствовала я, повернувшись на каблуках.

Он не удостоил меня взглядом. Я смотрела, как Картье, опустив свою кожаную сумку в кресло, вытащил из нее несколько книг и разложил учебники на столе.

– Никаких открытых окон? – спросил он, к счастью, по-прежнему не встречаясь со мной взглядом, ибо я чувствовала, что лицо у меня горит, и совсем не от солнца.

– Шмели сегодня очень назойливы, – пробормотала я, ис-

коса наблюдая, как Франсис спешит по дорожке к конюшне. Я знала правила Магналии. Нам запрещено влюбляться или флиртовать во время обучения. Или, что звучало честнее, нас не должны были на этом поймать. Я сделала глупость, способствуя переписке Сибиллы и Франсиса.

Подняв глаза, я встретила взглядом с Картье.

– Как у тебя с валенийскими Домами? – он поманил меня к столу.

– Хорошо, господин, – кивнула я, занимая привычное место.

– Давай начнем с родословной Дома Рено – повтори ее с первенца, – потребовал Картье, сев в кресле напротив.

– С Дома Рено? – Боже милостивый, конечно, его интересовало огромное царственное семейное древо, которое я никак не могла запомнить.

– Это Дом нашего короля, – напомнил наставник, глядя на меня в упор. Я видела этот взгляд сотни раз. Как и мои сестры-избранные, жаловавшиеся на Картье за закрытыми дверьми. Он был самым красивым из ариалов Магналии, а еще самым строгим. Моя сестра-избранная Ориана говорила, что у него камень вместо сердца, и однажды нарисовала карикатуру, изобразив Картье в виде статуи.

– Бриенна. – Имя сорвалось с его губ, пальцы барабанили по столу.

– Простите, господин. – Я попыталась вспомнить начало королевской родословной, но из головы не выходило дедуш-

кино письмо, спрятанное в кармане. Почему он не писал так долго?

– Ты понимаешь, что Наука требует больше усердия, чем другие страсти? – спросил Картье, когда мое молчание затянулось.

Встретившись с ним взглядом, я гадала, хотел ли он намекнуть, что я бездарна? Иногда по утрам я и сама так думала.

В первый год в Магналии я изучала Живопись. У меня не оказалось художественных способностей. В следующем году я занялась Музыкой. Пела я кошмарно. Стоило мне взять инструмент в руки, как он начинал выть, словно мартовский кот. Третий год я посвятила Драматургии, но вскоре выяснила, что ничего не могу поделать со страхом перед сценой. Четвертый год был отдан Интриге и оказался столь ужасным, что мне не хотелось даже вспоминать о нем. Так в четырнадцать лет я пришла к господину Картье и попросила его сделать меня своей избранной, дабы я стала госпожой Науки – за оставшиеся три года в Доме Магналии.

Я знала и подозревала, что для учивших меня ариалов это тоже не было секретом: семь лет назад меня приняли из-за сказанного моим дедушкой. Я оказалась здесь не потому, что заслужила это, не из-за восхитительного таланта и выдающихся способностей – не как другие пять избранных, которых я любила словно родных сестер. Но, несмотря на это знание, мне еще сильнее хотелось доказать: страсть – это не при-

родный дар, не наследство, как думали некоторые. Любой человек мог развить ее, аристократ или простолюдин, даже без врожденных способностей.

– Возможно, стоит вернуться к нашему первому уроку, – вздохнул Картье, возвращая меня к реальности. – Что такое страсть, Бриенна?

Катехизис страсти. Он зазвучал у меня в голове, один из первых отрывков, что я выучила, – строчки, которые все избранные знали наизусть.

Он не жалел меня, напоминая об этом теперь, за восемь дней до летнего солнцестояния, и все же я смутилась. Собравшись с духом, я посмотрела ему в глаза и прочла в них больше чем просто вопрос.

«Чего ты хочешь, Бриенна? – говорил его взгляд. – Зачем тебе страсть?»

Я ответила ему, как нас учили, решив, что так будет безопасней.

– Страсть обретается в пяти сердцах, – начала я. – Она проявляется в живописи, музыке, драматургии, интриге, науке. Суть страсти – одержимость. Страсть – это пыл и боль, мучительное стремление к совершенству. Страсть охватывает мужчину или женщину, и они становятся ее воплощением. Это союз таланта и плоти, знак преданности, самоотверженности и подвига.

Я не могла сказать, разочаровал ли Картье мой заученный ответ. Его лицо всегда оставалось бесстрастным. Я ни разу не

видела, чтобы он улыбался, и никогда не слышала его смеха. Иногда мне приходило в голову, что он немного старше меня, а потом я напоминала себе: моя душа юна, а его – нет. Он был гораздо образованнее и опытнее и, похоже, повзрослел слишком рано. Несмотря на молодость, Картье знал очень много.

– Ты выбрала меня в последнюю очередь, Бриенна, – наконец проронил он, не обратив внимания на катехизис. – Пришла ко мне три года назад и попросила подготовить тебя к семнадцатому летнему солнцестоянию. У меня не было семи лет, чтобы сделать из тебя госпожу Науки, – только *три*.

Я едва могла выносить его напоминания. Мне на ум тут же пришла Цири, другая избранная Картье. Она впитывала знания как губка, но и училась семь лет. Конечно, я казалась себе невеждой по сравнению с ней.

– Простите, что я не Цири, – процедила я, не сумев скрыть сарказм.

– Цири приступила к занятиям, когда ей было десять, – мягко напомнил Картье, склонившись над лежавшей на столе книгой. Взяв ее в руки, он пробежался по нескольким страницам с загнутыми уголками – Картье ненавидел эту привычку, – и я увидела, как он стал бережно расправлять старый пергамент.

– Вы жалеете о моем выборе, господин? – В действительности мне хотелось спросить: «Почему вы не отказались, когда я попросила вас стать моим наставником три года назад?»

Если трех лет недостаточно, чтобы я стала госпожой Науки, почему вы не сказали мне «нет»?» Возможно, Картье прочел эти вопросы в моих глазах. Взглянув на меня, он медленно отвел взгляд и вернулся к книгам.

– Я почти ни о чем не жалею, Бриенна, – откликнулся мой наставник.

– Что будет, если я не обрету покровителя на солнцестоянии? – спросила я, хотя и так знала, что случилось с юношами и девушками, которым не удавалось доказать свою страсть. Многие из них, сломленные и безумные, как бы застревают меж двух миров, равно презираемые бывшими соучениками и простым народом. Того, кто посвятил разум и годы жизни страсти и не обрел ее, называли *бездарем*. Более не избранный, не овладевший мастерством, он возвращался к обычной жизни.

В ожидании его ответа я подумала о простой метафоре, которую госпожа Солен привела в мой первый год, год изучения живописи, когда осознала, что у меня нет художественных способностей. Страсть раскрывалась постепенно. Сначала избранные были подобны гусеницам. В это время они поглощали знания, так много, как только могли, пытались овладеть страстью. Этот период мог продлиться пару лет, если речь шла об одаренном ученике, и растянуться на все десять, если избранный оказывался тугодумом. В Доме Магналии учеба занимала семь лет – условия были строже, чем в других валенийских Домах страсти, предлагавших восьми-

или девятилетнюю программу. Затем наступало время экзамена – избранные, доказавшие свое мастерство, получали плащ и титул. За ним следовал период покровительства, подобный кокону, в котором страсть зрела и развивалась, пока не приходило время последней стадии, и ее госпожа, словно прекрасная бабочка, являла себя миру.

Так что я думала о насекомых, когда Картье заговорил:

– Полагаю, ты будешь первой в своем роде, маленькая избранный.

Мне не понравился его ответ, и я вжалась в кресло, парчовая обивка которого пахла старыми книгами и одиночеством.

– Если думаешь, что не справишься, скорее всего, так и случится, – продолжал он. Его сверкающие голубые глаза встретились с моими, карими. В воздухе между нами, как маленькие смерчи, плясали пылинки. – Согласна?

– Конечно, господин.

– Твои глаза никогда не обманут меня, Бриенна. Научись лгать, не меняясь в лице.

– Я поразмыслю над вашим советом.

Он склонил голову к плечу, не отводя от меня взгляда.

– Не хочешь сказать, о чем на самом деле думаешь?

– О солнцестоянии, – ответила я чуть быстрее, чем следовало. Это была не вся правда, но я и представить не могла, что заговорю с Картье о письме дедушки. Он мог потребовать, чтобы я прочла его вслух.

– Увы, этот урок пропал зря, – заметил он, поднимаясь на ноги.

Меня разочаровало, что Картье прерывал наше занятие. Сейчас мне нужно было все время, которое он мог на меня потратить. Несмотря на это, я испытала облегчение. Теперь ничто не отвлекало меня от письма дедушки, лежавшего в моем кармане, как раскаленный уголек.

– Посвяти остаток вечера самостоятельным занятиям, – предложил он, указывая на книги на столе, и добавил: – Возьми их, если хочешь.

– Да, благодарю вас, господин Картье. – Я встала и сделала реверанс. Не глядя на него, взяла книги и, вне себя от беспокойства, покинула библиотеку.

Я направилась в сад – под сень изгороди, чтобы Картье не увидел меня из окна. Небо было хмурым и серым, надвигалась гроза, так что я села на первую попавшуюся скамейку и отложила книги в сторону.

Вытащив дедушкино письмо, я помедлила, держа его в руках. Мое имя, выведенное его неровным почерком, казалось кляксой на пергаменте. Я сломала красную восковую печать и дрожащими пальцами развернула письмо.

7 июня 1566 года.

Дражайшая Бриенна,

прости, что так долго не отвечал. К несчастью, боль в

руках только ухудшилась. Лекарь посоветовал мне меньше писать или нанять секретаря. Должен сказать, я очень горжусь тобой, и твоя мать, моя милая Розали, тоже гордилась бы, знай она, что через несколько дней ты станешь госпожой страсти. Пожалуйста, напиши мне после солнцестояния и Расскажи о покровителе, которого обретишь.

Что до твоего вопроса... Боюсь, ответ тебе известен. Имя твоего отца не стоит упоминания. Твою мать очаровали его красота и сладкие речи, и, мне кажется, оно не принесет тебе добра. Да, ты – дитя двух королевств, наполовину мэванка. Но я не хочу, чтобы ты искала его. Наверняка ты найдешь в нем те же пороки, что и я. И нет, моя дорогая, он не справлялся о тебе ни разу. Помни, что ты – незаконнорожденная, и большинство мужчин исчезают, едва услышав это слово.

Помни также, что я храню тебя в сердце как настоящий отец.

С любовью, дедушка.

Я скомкала лист в кулаке. Мои пальцы стали такими же белыми, как бумага, глаза защипало от слез. Было глупо рыдать из-за этого письма, из-за очередного отказа назвать мне имя отца. Прошли недели, прежде чем я собралась с духом и задала этот вопрос.

Я отважилась написать дедушке, но теперь решила, что

больше спрашивать не буду. Неважно, как его звали.

Будь моя мать жива, что бы она рассказала? Хотела ли она выйти за него замуж? Или он уже был женат, и именно поэтому дедушка злился при одной мысли о нем? При мысли о внебрачной связи валенийки и мэванца?

Ах, мама. Иногда мне казалось, что я помнила переливы ее голоса, помнила тепло ее рук, ее запах. Лаванда и клевер, солнце и розы. Она умерла от горячки, когда мне было три. Картье однажды сказал, что столь ранние воспоминания – большая редкость. Возможно, я все это выдумала.

Тогда почему думать о том, кого даже не знала, так больно?

Засунув письмо в карман, я откинулась на спинку скамейки. Моих волос коснулись зазубренные листья изгороди – они словно пытались меня утешить. Не стоило жить прошлым, собирать ничего не значащие осколки. Лучше подумать о том, что ждет меня через восемь дней, в солнцестояние. Мне предстояло доказать свою страсть и наконец получить плащ.

Надо было читать книги Картье, силясь запомнить все, что можно.

Но стоило мне потянуться к странице, как в траве зазвучали легкие шаги, и на дорожке появилась Ориана.

– Бриенна! – поприветствовала она. Ее черные волосы были заплетены в сложную косу, спускавшуюся до талии. Коричневую кожу и платье избранной испещряли брызги крас-

ки – следы бесчисленных часов, проведенных в художественной мастерской. Ее платье навевало мысли о ярких картинах, мое же было унылым, чистым и мятым. Все шесть избранных Магналии носили одинаковые серые платья и единогласно их ненавидели: высокий ворот, простой крой, длинные рукава. Стоило доказать страсть только для того, чтобы их сбросить.

– Чем занимаешься? – поинтересовалась у меня, приближаясь, моя сестра-избранная. – Господин Картье еще не довел тебя до отчаяния?

– Нет, думаю, на этот раз у него другие планы. – Я поднялась со скамейки и взяла Ориану под локоть, придерживая стопку книг другой рукой. Мы зашагали рядом. По сравнению со мной, высокой и длинноногой, Ориана казалась маленькой и хрупкой. Мне пришлось идти медленней, чтобы не обгонять ее. – Как продвигаются твои последние картины?

Она фыркнула и наградила меня кривой улыбкой, сорвав розу с куста.

– Думаю, дело идет.

– Ты уже выбрала, какие из них выставишь в день солнцестояния?

– Да, конечно. – И Ориана начала рассказывать о полотнах, которые решила показать покровителям. Я смотрела, как она нервно крутит розу в пальцах.

– Не волнуйся, – улыбнулась я и заставила ее остановиться. Теперь мы оказались лицом к лицу. Вдали ворчал гром, в воздухе витал запах дождя. – Твои картины прекрасны. Это

все не вызывает сомнений.

– Что именно? – Ориана аккуратно устроила розу у меня за ухом.

– Покровители будут бороться за тебя. Ты станешь главным призом.

– Как бы не так! У меня нет обаяния Абри, красоты Сибиллы, манер Мириай или вашего с Цири ума.

– Но твоя кисть открывает окно в другой мир, – с улыбкой возразила я. – Это истинный дар – помогать людям видеть вещи в новом свете.

– С каких это пор ты стала поэтом, дорогая?

Я засмеялась, но удар грома заглушил смех. Когда жалоба бури стихла, Ориана проговорила:

– Я должна признаться тебе кое в чем.

Начался дождь, и она потянула меня за руку, принуждая сойти с дорожки. Удивленная, я пошла за ней. Ориана была избранной, никогда не нарушавшей правил.

– И?.. – требовательно спросила я.

– Я знала, что ты в саду, и пришла попросить тебя об одолжении. Помнишь, я рисовала портреты других девочек? Чтобы не забыть вас, ведь на следующей неделе наши пути разойдутся! – Ориана взглянула на меня, ее янтарные глаза сверкали.

Я сдержала стон:

– Ори, я не могу сидеть на одном месте так долго.

– Абри смогла. А ты знаешь, какая она непоседа. И что ты

вообще подразумеваешь под «не могу сидеть так долго»? Вы целыми днями просиживаете с Цири и господином Картье, сторбившись над книгами!

Я выдавила улыбку. Целый год она просила меня позировать для нее, но я была поглощена учебой, и времени для портрета не оставалось. По утрам меня ждали занятия с Картье и Цири, а вечером – персональный урок Картье: я все еще пыталась овладеть всеми знаниями.

Пока тянулись бесконечные часы занятий, и я устало провожала взглядом солнечный зайчик, упавший на пол, мои сестры-избранные отдыхали. Сколько дней я внимала их смеху, наполнявшему Дом, силясь собраться с мыслями под взглядом Картье.

– Не знаю. – Я колебалась, сжимая книги в руках. – Предполагалось, что я буду заниматься.

Мы обогнули изгородь и столкнулись с Абри.

– Ты убедила ее? – с ходу спросила та, и я поняла, что это была засада. – Не смотри на нас так, Бриенна.

– Как? – уточнила я. – Вам обеим известно, что если я хочу получить плащ и уехать отсюда через восемь дней с покровителем, то должна посвятить каждую минуту...

– Запоминанию скучных родословных, да, мы это знаем, – перебила меня Абри. Ее густые медные кудри рассыпались по плечам, в них застряла пара сухих листьев, словно она продиралась сквозь заросли ежевики. Абри часто учила роли под открытым небом, вместе с господином Ксавье. Иногда я

видела ее из окна библиотеки. Она бродила по лужайке, размазывая по лифу ягоды, словно фальшивую кровь, и повторяя вслух свои строчки. Увидев, что подол ее платья испачкан грязью и черным соком, я поняла, что она репетировала.

– Пожалуйста, Бриенна, – умоляла меня Ориана. – Я ведь изобразила всех, кроме тебя...

– Ты захочешь, чтобы она нарисовала этот портрет, едва увидишь реквизит, который я приготовила, – заявила Абри, наградив меня зловещей улыбкой. Она была самой высокой из нас, выше меня на целую ладонь.

– Реквизит! – ахнула я. – Слушайте, я не стану...

Гром загрохотал вновь, заглушив мой слабый протест. Прежде чем я успела ее остановить, Ориана выхватила книги у меня из рук.

– Отправлюсь вперед и все подготовлю, – заявила она, сделав три быстрых шага от меня. Как будто я не могла передумать, оказалась она за пределами слышимости. – Абри, приведи ее в студию.

– Да, миледи, – откликнулась та с шутовским поклоном.

Я смотрела, как Ориана метнулась через лужайку к черному входу.

– Не хмурься, Бриенна, – одернула меня Абри. Небеса наконец разверзлись, и наши платья намокли от дождя. – Нужно наслаждаться последними деньками.

– Как наслаждаться, если я боюсь, что меня сочтут бездарной? – Я направилась к дому, на ходу вытаскивая из во-

лос ленту, позволив косе рассыпаться по плечам, и тревожно провела по волосам рукой.

– Тебя *не сочтут* бездарной! – И все же Абри помедлила, а потом спросила: – Так думает господин Картье?

Я шагала через лужайку, промокшая и потрясенная мрачными перспективами, когда Абри догнала меня, схватила за руку и развернула лицом к себе.

– Пожалуйста, Бриенна. Позволь сделать этот портрет. Ради меня и Орианы.

Я вздохнула, но уголки моего рта тронула легкая улыбка.

– Ладно. Но я не могу позировать целый день.

– Ты будешь в восторге, когда увидишь реквизит, который я нашла! – повторила Абри и потянула меня к дому.

– Сколько времени это займет? – Я задыхалась, когда мы открыли двери и оказались среди теней темной прихожей, вымокшие и дрожащие.

– Немного, – ответила Абри. – Ой! Помнишь, ты помогла мне написать вторую часть моей пьесы? Где леди Чернохлеб бросили в темницу, когда она украла диадему?

– Ага. – Хотя я больше не изучала драматургию, Абри все еще просила меня помочь с сюжетами ее пьес. – Не знаешь, как ей теперь оттуда выбраться?

Она залилась нежным румянцем:

– Понятия не имею, но, прежде чем ты дашь совет, знай... я не хочу ее убивать.

Я не смогла сдержать смеха.

– Абри, это было три года назад.

Речь шла о времени, когда я считалась избранной Драматургии, и мы обе сочиняли отрывок для господина Ксавье. Абри написала комическую сценку о двух сестрах, борющихся за одного кавалера, а я – кровавую трагедию, о дочери, свергнувшей отца с трона. Я убила всех персонажей, кроме одного, и господин Ксавье был потрясен мрачностью моего замысла.

– Если тебе не хочется ее убивать, – начала я, когда мы зашагали по коридору, – пусть найдет потайную дверь за скелетом или ей поможет стражник. Он нарушит присягу, но цена будет высокой и страшной.

– Конечно, потайная дверь! – воскликнула Абри, беря меня под руку. – Ты чертовски коварна, Бри! Хотела бы я так же хорошо придумывать сюжеты.

Она улыбнулась мне, и я пожалела, что страх сцены помешал мне стать госпожой Драматургии.

Абри, должно быть, почувствовала то же самое. Она сжала мою руку и прошептала:

– Знаю: еще не поздно. Можешь написать пьесу из двух актов, поразить господина Картье, и...

– Абри, – беззлобно оборвала ее я.

– Вот как две избранные Дома Магналии проводят неделю, оставшуюся до солнцестояния? – внезапно раздался чей-то голос.

Мы с Абри замерли в коридоре, неожиданно столкнув-

шись с Терезой, госпожой Интриги. Скрестив на груди руки, она неодобрительно смотрела в нашу сторону. Ее брови поднялись, острый нос нацелился на нас, как клюв хищной птицы. Наши грязные промокшие платья были ей отвратительны.

– Ведете себя как дети, а не как женщины, которые вот-вот получают плащи.

– Тысяча извинений, госпожа Тереза, – прошептала я, опускаясь в глубоком реверансе. Абри сделала то же самое, хотя без всякого почтения.

– Переоденьтесь, пока мадам вас не увидела.

Мы с Абри чуть не отдавили друг другу пятки, торопясь скорей от нее уйти, и вскоре вывалились из коридора в прихожую, в пасть лестницы.

– Она – дьявол во плоти, – слишком громко прошептала Абри, взлетев по ступеням.

– Абри, – зашипела я и, наступив на край своего платья, услышала за спиной голос Картье.

– Бриенна!

Я ухватила за перила, чтобы не упасть. Восстановив равновесие, обернулась и взглянула на своего наставника. Картье стоял в прихожей. Белую тунику на талии перехватывал ремень, а серые бриджи оказались почти одного оттенка с моим платьем. Он застегивал свой голубой плащ, готовясь выйти в дождь.

– Господин.

– Полагаю, ты захочешь получить еще одно персональное занятие после нашей утренней лекции с Цири? – Картье смотрел на меня, ожидая ответа, который и так знал заранее.

Я почувствовала, как перила заскользили под рукой. Мои волосы растрепались, падая на лицо непокорными каштановыми кудрями, платье промокло насквозь, с подола струилась вода, тихой каплей звеня на мраморе. Я знала, что в его глазах выгляжу просто ужасно: совсем не как валенийка, чья страсть вот-вот раскроется, и не как ученая, которую он пытался из меня вылепить. Несмотря на это, я подняла подбородок и ответила:

– Да, благодарю вас, господин Картье.

– Возможно, в следующий раз письмо не помешает нашему уроку и ты будешь более внимательна, – вдруг добавил он. Распахнув глаза, я смотрела на него, пытаюсь прочесть мысли, таившиеся за бесстрастным лицом.

Он мог наказать меня за то, что я передавала письма Франсиса и Сибиллы, как за нарушение правил. Оставалось только ждать, чего он потребует.

Затем я увидела, как дернулся уголок его губ – слишком мимолетно, чтобы счесть это улыбкой, но я хотела, чтобы это была она. Он кивнул мне, прощаясь.

Я смотрела, как Картье шагнул за порог и исчез в буре, и гадала, смеялся он надо мной или жалел. Мне хотелось, чтобы он остался, и все же я испытывала облегчение от того, что он ушел.

Я поднималась по лестнице, оставляя за собой дорожку воды и раздумывая, почему Картье всегда вызывал во мне противоречивые желания.

Глава 2. Мэванский портрет

Я избегала художественной мастерской с моего первого провального года в Магналии. Но этим дождливым вечером, осторожно переступив порог, со спутанными, мокрыми волосами, я вспомнила, что значила для меня эта комната, сколько прекрасных минут она мне подарила. Мне вспомнились бесчисленные утра, когда мы с Орианой делали наброски под внимательным руководством госпожи Солен. Вспомнилось, как я впервые использовала краски, как в первый раз попыталась нарисовать иллюстрацию, как впервые принялась за гравюру. Затем мне вспомнились мрачные минуты, все еще терзавшие меня, подобно незаживающей ране. Момент, когда я осознала, что мои работы – слабые и плоские – пятнали лист, в то время как рисунки Орианы дышали жизнью. День, когда госпожа Солен отвела меня в сторону и мягко сказала: «Возможно, тебе стоит заняться музыкой, Бриенна».

– Ты пришла!

Я обвела взглядом комнату и увидела Ориану, подготавливавшую для меня место. Она снова испачкалась: на щеке алело свежее пятно. В мастерской всегда царил ошеломляющий беспорядок, но я знала: это из-за того, что Ориана и госпожа Солен сами готовили краски. На самом длинном столе в комнате гнездились баночки цинковых белил и красите-

лей, тигли и глиняные чаши, кувшины с водой, куски известняка, кипы пергамента и кальки, картонные лотки, полные яиц, большая миска с молотым мелом. Пахло скипидаром, розмарином и зелеными водорослями, которые они варили, чтобы с помощью загадочных алхимических процессов получить розовую краску.

Я осторожно обошла стол для рисования, кресла, картонки, мольберты. Ориана поставила стул у огромных окон: предполагалось, что я буду сидеть в свете грозы, пока она меня рисует.

– Следует ли мне волноваться насчет... *реквизита*, о котором столько твердила Абри? – спросила я.

Ориана готова была ответить, когда в комнату вошла Цири.

– Я нашла ее. Это ведь то, что нужно, Ориана? – спросила она, листая принесенную с собой книгу. Моя сестра-избранная едва не споткнулась о мольберт, идя к нам, протянула том Ориане и посмотрела на меня.

– Ты выглядишь усталой, Бриенна. Господин Картье очень тебя мучает?

Теперь ответить не успела я. Ориана ахнула от восторга, и мои глаза метнулись к странице, которой она любовалась.

– Превосходно, Цири!

– Минутку, – вмешалась я и потянулась к книге, выхватив ее из рук Орианы. – Это же одна из мэванских исторических книг господина Картье.

Я бросила взгляд на иллюстрацию, и дыхание замерло у меня в груди. Это был прекрасный портрет одной из королев Мэваны. Я узнала ее потому, что Картье занимался со мной мэванской историей. Я смотрела на Лиадан Кавана, первую королеву этой страны. Говорили, она владела магией.

Она стояла, высокая и горделивая; корона из серебряных нитей, украшенная бриллиантами, лежала на ее челе, как венок из звезд; длинные каштановые волосы были распущены, окутывая ее фигуру точно волны. Полоса синей краски, которую мэванцы называли вайдой, тянулась через лицо. На шее у королевы висел драгоценный камень размером с кулак – легендарный Камень Сумерек. Ее доспехи были как чешуя дракона, они горели кровью и золотом. Длинный меч покоился в ножнах на бедре. Одна рука королевы лежала на талии, другая – сжимала копье.

– Заставляет грезить о славном прошлом, да? – вздохнула Цири, взглянув через мое плечо. – О днях, когда королевы правили севером.

– Сейчас не время для урока истории, – заметила Ориана, осторожно забирая у меня книгу.

– Ты ведь не собираешься рисовать меня так? – спросила я с колотящимся сердцем. – Ори... это было бы дерзостью.

– А вот и нет, – возразила Цири. Она любила спорить. – Ты наполовину мэванка, Бриенна. Кто скажет, что ты не родня королеве?

Я открыла рот, чтобы возразить, но тут вошла Абри с ку-

чей вещей в руках.

– Вот они, – объявила она, свалив все на пол.

Потрясенная, я смотрела, как Цири и Ориана копаются в куче: тусклый меч, дешевые доспехи, плащ цвета синей полуночи. Театральный реквизит, без сомнения, позаимствованный в гардеробной мастера Ксавье.

– Отлично, Бриенна, – обрадовалась Ориана, поднимаясь с нагрудником в руках. – Пожалуйста, позволь мне нарисовать тебя как мэванскую воительницу.

Все трое ждали: Ориана держала доспех, Абри – меч, Цири – плащ. Они с надеждой смотрели на меня. Мое сердце замерло от одной мысли об этом, но мэванская кровь заиграла в жилах.

– Хорошо. Но я не могу позировать целый день, – твердо заявила я. Абри издала победный вопль, Ориана улыбнулась, Цири закатила глаза.

Я стояла неподвижно, пока меня одевали. Это был поясной портрет, и то, что я оставалась в платье избранной, значения не имело. Нагрудник охватил мою грудь, наручи – руки. Синий плащ лег мне на плечи, и в животе у меня похолодело: я вспомнила о плаще страсти. Цири, должно быть, прочла мои мысли.

Она распустила мне волосы, заплела косичку и проговорила:

– Это я сказала Абри взять синий плащ. Тебе нужно носить твой цвет. *Наш* цвет. – Она отступила, довольная делом

своих рук.

Когда избранные раскрывали свою страсть, их наставники дарили им плащи. Цвет зависел от страсти. Красный плащ – для Живописи, черный – для Драматургии, пурпурный – для Музыки, зеленый – для Интриги, синий – для Науки. Это был не просто символ достижений и равенства, знак того, что избранный достиг уровня своего наставника или наставницы, но и уникальное напоминание о связи между учителем и учеником.

Прежде чем плащи заняли все мои мысли, в мастерскую ворвалась Сибилла, вся мокрая от дождя. С торжествующей улыбкой и венком из белых цветов в руках, она, отряхиваясь и требуя нашего внимания, воскликнула:

– Вот – самый звездный венец, который я смогла сплести до того, как пошел дождь!

Похоже, все пять моих сестер-избранных приняли участие в затее с портретом. Не хватало лишь Мириай, моей соседки – ее отсутствие черной тенью висело в комнате.

– Где Мириай? – спросила я, когда Сибилла подошла ко мне с цветочной короной.

Женственная, полногрудая и тихая, она надела венок мне на голову.

– Теперь ты сразишь любого мужчину, – заметила она, и на ее розовых губах заиграла широкая, счастливая улыбка.

– Разве ты не слышишь? – ответила мне Абри и подняла палец. Мы замолчали и, хотя дождь барабанил по стек-

лам, различили вдалеке пение скрипки. – Мириай сказала, что изо всех сил работает над новым произведением, но придет сразу же, как только закончит.

– А теперь, Бриенна, возьми меч и садись на стул, – потребовала Ориана, поднимая ракушку, полную синей краски.

Тревожно глядя на нее, я заняла свое место. Держать меч было непривычно: я опустила руку к правому бедру, и его лезвие пересекало грудь, а острие почти касалось левого уха. Доспехи не сковывали движений, но сидели на мне странно, словно множество чужих рук заключило меня в объятия.

– Цири, поддержи картинку рядом с лицом Бриенны. Хочу убедиться, что сделаю это как надо, – поманила Ориана Цири.

– Что «как надо»? – пробормотала я.

– Нанесу вайду. Не двигайся, Бри.

Выбора не было. Я замерла. Взгляд Орианы метнулся от рисунка к моему лицу и снова упал на страницу. Я увидела, как она опускает кончики пальцев в синюю краску, и закрыла глаза. Ее рука легонько скользнула по моему лицу наискосок, от лба к подбородку. Казалось, она открывает какую-то тайну. То, что должно было скрываться во мраке, пробудилось.

– Можешь открыть глаза.

Мои веки распахнулись. Я тревожно смотрела на сестер, в их взглядах светились гордость и одобрение.

– Думаю, все готово. – Ориана потянулась к тряпке, чтобы

вытереть пальцы.

– А как же тот камень? – спросила Сибилла, заплетая волосы цвета темного меда.

– Какой камень? – нахмурилась Абри, расстроенная, что что-то упустила.

– Там, на шее королевы.

– Похоже, это вечерний камень, – предположила Цири, разглядывая иллюстрацию.

– Нет, это – Камень Сумерек, – поправила я.

Бледное лицо Цири вспыхнуло. Она ненавидела, когда ее поправляли. Фыркнув, она ответила:

– А, да. Конечно, ты знаешь мэванскую историю лучше, Бриенна. У тебя есть причина слушать, когда господин Картье заливается соловьем.

Ориана поставила передо мной еще один стул. Вооружившись пергаментом и карандашом, она скомандовала:

– Постарайся не шевелиться, Бриенна.

Я кивнула, чувствуя, как на лице засыхает синяя краска.

– Вот бы мне быть ребенком двух стран, – прошептала Абри, потягиваясь. – Ты ведь собираешься пересечь канал и увидеть Мэвану? Ты просто обязана это сделать, Бриенна, и взять меня с собой.

– Возможно, когда-нибудь, – неуверенно произнесла я. Карандаш Орианы летал по бумаге. – Буду очень рада, если ты составишь мне компанию, Абри.

– Отец говорит, что Мэвана очень, *очень* отличается от Ва-

лении, — язвительно проговорила Цири, и я почувствовала, что она все еще расстроена из-за моего замечания. Она отложила книгу Картье и разглядывала меня, облокотившись на стол. Белые волосы рассыпались по ее плечам словно лучи лунного света. — Отец бывал там, всегда осенью. Несколько мэванских лордов распахивали двери своих замков для валенийцев по случаю охоты на белого оленя. Отцу там нравилось, он рассказывал, что у них хорошие эль и еда, потрясающие истории и развлечения, но, конечно, никогда не брал меня с собой. Говорил, что этот край слишком опасен для валенийской девушки вроде меня.

Сибилла хмыкнула и, расстегнув высокий воротник, потерла шею:

— Разве не все отцы говорят это, чтобы удержать дочерей «в безопасности» родного дома?

— Ты же знаешь, что говорят о мэванских мужчинах, — вздохнула я, с печалью цитируя дедушку.

— Что? — быстро переспросила Сибилла с искрами любопытства в ореховых глазах. Я вспомнила, что послание для нее лежало в кармане моего промокшего ученического платья. Я сбросила его в комнате и оставила на полу. Бедное письмо, наверное, промокло насквозь, и чернила расплылись.

— Их речи как мед, они опытные и неверные любовники, — проговорила я, подражая скрипучему голосу деда.

Сибилла расхохоталась: она знала о мужчинах больше на-

шего. Абри прикрыла рот ладонью, неуверенная, смущаться ей или нет. Цири молчала, но я видела: она старалась не улыбнуться.

– Хватит болтать, – игриво оборвала нас Ориана, наставив на меня карандаш. – Если какая-нибудь госпожа, проходя мимо, услышит нас, свою последнюю неделю ты проведешь на кухне, Бриенна.

– Они просто *обязаны* быть опытными, эти неверные любовники, чтобы завоевывать подобных женщин! – продолжила Сибилла, указывая на портрет королевы. – Святые угодники, что случилось с Мэваной? Почему на ее троне теперь король?

Мы с Цири переглянулись: обе изучали это пару лет назад. История была долгой и запутанной.

– Тебе стоит спросить об этом господина Картье, – наконец ответила Цири, пожав плечами. – Он знает историю всех королевств, что были под солнцем.

– Экий труд, – простонала Абри.

Взгляд Цири стал пронзительным.

– Ты же помнишь, Абри, что мы с Бриенной будем господами Науки?

Она снова обиделась.

Абри поняла свою ошибку.

– Прости, Цири. Я только хотела сказать, что восхищена вашей способностью помнить так много.

Цири фыркнула. Она не успокоилась, но, к счастью, ре-

шила сменить тему и снова посмотрела на меня.

– Хочешь увидеться с отцом, Бри? – спросила Сибилла.

– Нет, не думаю, – честно ответила я. Забавно, что в день, когда я поклялась о нем больше не спрашивать, меня одели как мэванскую королеву.

– Это очень грустно, – вздохнула Абри.

Конечно, это печалило ее, как и всех моих сестер. Они происходили из знатных семей, у каждой были отец и мать.

Я ответила:

– Это не имеет значения, правда.

В комнате воцарилась тишина. Я прислушивалась к дождю, тихой, струившейся по коридорам мелодии Мириай и скрипу карандаша рисовавшей меня Орианы.

– Что ж, – легкомысленно начала Сибилла, чтобы сгладить возникшую неловкость: она была избранной Интриги и могла поддержать любой разговор, – ты должна увидеть, какой Ориана нарисовала меня, Бриенна.

Она вытащила лист из папки работ Орианы и подняла, чтобы я могла его рассмотреть.

Сибилла была изображена как знатная валенийка. Я глядела, потрясенная тем, сколько реквизита стащила Абри. На Сибилле красовались притягивавшее взгляд красное, расшитое жемчугом платье с глубоким вырезом, ожерелье из самоцветов и роскошный белый парик. На щеке виднелась идеальная мушка-звездочка – символ аристократок. Сибилла была совершенна, сама Валения во плоти. Воплощение

шарма, изящества и хороших манер.

А вот и мой портрет. Портрет королевы, владевшей магией, красившей лицо вайдой, жившей в броне. Ее сопровождали не мужчины, а камень и меч.

Они были противоположны, Валения и Мэвана, две страны, между которыми я разрывалась. Я хотела бы непринужденно носить роскошное платье и мушку-звездочку, а еще доспехи и синюю краску, как положено мне по крови. Мне хотелось раскрыть страсть и владеть мечом.

– Ты должна повесить портреты Сибиллы и Бриенны рядом, – посоветовала Ориане Абри. – Они могут преподать новым избранным хороший урок.

– Да, – согласилась Цири, – урок о том, кого никогда не следует оскорблять.

– Оскорбишь валенийку – потеряешь репутацию, – прощепетала Сибилла, чистя ногти. – Оскорбишь мэванку – потеряешь голову.

Глава 3. «Шахи и клетки»

Чтобы закончить набросок, Ориане потребовался еще час. Она не просила меня подождать, пока он заиграет красками: видела, что мне не терпелось сбросить костюм и вернуться к занятиям. Я отдала плащ, доспехи, венок и меч Абри и, оставив сестер смеяться и болтать в мастерской, удалилась в тихую тень нашего с Мириай уголка. Обычно избранной Музыки в Магналии единственной предоставлялась отдельная комната, чтобы она могла заниматься. Остальные девочки жили по двое. Но, так как Вдова сделала неслыханное: приняла меня шестой ученицей, – и комната избранной Музыки стала общей.

Стоило распахнуть дверь, как меня, подобно верному другу, встретил запах пергамента и книг. Мы с Мириай были не слишком аккуратны, но я винила во всем наши страсти. Повсюду валялись кипы нотных листов, однажды я нашла несколько смятых у нее в кровати. Она сказала, что уснула с нотами в руках. Мириай говорила, что слышит музыку в голове, когда читает ноты. Такой была глубина ее страсти.

Моим вкладом в хаос были разбросанные бумаги, книги и журналы. Полки, вырезанные в стене над моей кроватью, ломились от томов, взятых в библиотеке. Книги Картье тоже занимали несколько полок. Глядя на их мягкие и твердые переплеты, я думала, каково это будет – возвращать их хозя-

ину. Я осознала, что у меня нет ни одной собственной книги.

Я наклонилась подобрать с пола сброшенное платье, все еще мокрое, и нашла письмо Франсиса. Буквы расплылись чернильными кляксами.

– Я все пропустила? – с порога спросила Мириай.

Я обернулась к ней, стоявшей со скрипкой под мышкой и смычком в длинных пальцах. Буря отбрасывала лиловые тени на ее коричневое лицо и платье, испачканное канифолью.

– Господи, *что* они сделали с твоим лицом? – Она шагнула в комнату, удивленно распахнув глаза.

Мои пальцы коснулись щеки – под ними была засохшая синяя краска. Я совсем забыла о ней.

– Будь ты там, ничего этого никогда бы не случилось, – поддразнила я Мириай.

Отложив инструмент, она взяла меня за подбородок, восхищаясь работой Орианы.

– Дай угадаю. Они одели тебя как мэванскую королеву, вернувшуюся из битвы?

– Неужели я *настолько* похожа на мэванку?

Мириай подвела меня к нашему умывальнику, где у трехстворчатого окна стоял кувшин с водой. Я сунула письмо Франсиса обратно в карман. Она налила воду в фарфоровую чашу и взяла мочалку.

– Нет, ты выглядишь и ведешь себя очень по-валенийски. Разве твой дедушка не говорил, что ты – копия матери?

– Да, но он мог солгать.

Мириай посмотрела на меня, возмущенная таким недоверием. В ее темных глазах мелькнула укоризна. Она взяла мочалку и стала стирать краску с моего лица.

– Как учеба, Бри?

Мы снова и снова задавали друг другу этот вопрос: солнцестояние приближалось. Я застонала и зажмурилась: она безжалостно терла мою кожу.

– Не знаю.

– Как это ты не знаешь? – Мочалка замерла, и я неохотно открыла глаза. Мириай смотрела на меня встревоженно и смущенно. – До конца занятий осталось всего два дня.

– Да, конечно. Знаешь, какой вопрос задал мне сегодня господин Картье? Он спросил, что такое страсть. Словно мне десять, а не семнадцать.

Вздохнув, я взяла у нее мочалку и опустила ее в воду.

Я поделилась с Мириай своими догадками. Сказала, что Вдова приняла меня не из-за таланта, а по какой-то загадочной причине. Мириай своими глазами видела, как я мучилась с музыкой в первый год обучения. Она сидела рядом, пытаясь помочь, когда мадам Эвелина приходила в ужас от моей кошмарной игры. Еще ни разу скрипка не звучала так, словно мечтала умереть.

– Почему он не отказался, когда я попросила его взять меня в ученицы? – продолжала я, оттирая лицо. – Он должен был сказать, что трех лет недостаточно, чтобы развить страсть. Будь я умна, выбрала бы науку с самого начала, еще

в десять лет. У меня была бы куча времени, чтобы выучить все эти проклятые родословные.

Синяя краска не сходила. Я отбросила мочалку. Казалось, я стерла себе лицо, открыв страшную суть: я бездарна.

– Разве я должна напоминать тебе, Бри: господин Картье не ошибается.

Я посмотрела в окно. Капли дождя, как слезы, текли по стеклу. Она была права.

– Стоит ли говорить, что господин Картье не сделал бы тебя избранной, будь у него хотя бы малейшее сомнение в том, что ты станешь госпожой страсти. – Она взяла меня за руку, завладевая моим вниманием. Улыбнулась. Ее черные локоны были перехвачены лентой, несколько прядей выбились и рассыпались по плечам. – Если господин Картье верит, что ты можешь раскрыть страсть за три года, значит, ты на это способна. Так и будет.

Я сжала ее пальцы с безмолвной благодарностью. Теперь была моя очередь спрашивать о ее страсти.

– Как продвигается твое последнее сочинение? Я слышала отрывки в мастерской...

Мириай отдернула руку и застонала. Я поняла, что она, как и я, была в смятении и тревоге. Она отвернулась, подошла к кровати и села, подперев подбородок ладонью.

– Оно ужасно, Бри.

– А мне понравилось, – возразила я, вспоминая музыку, струившуюся по коридору.

– Оно ужасно, – настаивала сестра. – Госпожа Эвелина хочет, чтобы я закончила его к солнцестоянию. Не думаю, что у меня получится...

За семь лет жизни с Мириай я поняла, что она жаждала совершенства, когда речь шла о ее музыке. Каждая нота должна была быть на своем месте, каждая пьеса – исполняться с жаром и упоением. Стоило ее пальцам или смычку хотя бы раз соскользнуть со струн, как она злилась, считая исполнение неудачным.

– Знаешь, что это значит? – улыбнулась я, доставая с полки шкатулку с изящной резьбой.

Мириай растянулась на кровати – воплощение отчаянья – и заявила:

– Я слишком устала, чтобы играть.

– Договор есть договор, – напомнила я, открыв шкатулку на общем столе, вытащила клетчатую доску и мраморные фигурки.

Ее отец прислал «Шахи и клетки» нам обеим. Мириай обожала их. За этой игрой прошло ее детство на острове Баскун. С каждым годом, проведенным в Магналии, страсть подчиняла нас все больше, и времени играть не оставалось. Разве что вечерами, чтобы разогнать обуревавшую нас тревогу. Мы поклялись, что будем играть и помнить: солнцестояние – это еще не все.

– Хорошо, – Мириай колебалась, но я ожидала этого. Она встала с кровати, подошла к столу, убрала несколько нотных

листов и отложила их в сторону.

Мы сели друг против друга, яркие пешки засверкали, когда я зажгла свечи, а Мириай подбросила дукат, чтобы узнать, кто будет ходить первой.

– Начинай, Бри, – сказала она.

Я смотрела на свои пешки, аккуратно выстроенные в ряд. «Шахи и клетки» были стратегической игрой, ее цель заключалась в том, чтобы убрать с доски все красные пешки противника. Я решила начать с края и поставила желтую пешку на первую клетку. Мы всегда начинали игру молча, позволяя себе привыкнуть друг к другу и войти в ритм. Обычно я действовала дерзко, а Мириай – осторожно. Наши пешки были рассеяны по всей доске, когда Мириай нарушила тишину, спросив:

– Есть известия от твоего деда?

Я забрала ее первую красную пешку, которую она дерзко выдвинула вперед.

– Да. Я потом дам прочитать тебе письмо.

Она начала двигаться к моей красной пешке.

– Он назвал имя?

– Нет. Ответил как всегда.

– Что твой отец не стоит упоминания?

– Да, именно так. – Я глядела, как она смела еще одну из моих красных пешек. Ее желтые окружили меня. Я начала маневрировать. – А что насчет твоего отца?

– Он написал пару дней назад. Передает привет и надеет-

ся, что ты навестишь его вместе со мной после солнцестояния.

Я смотрела, как она перепрыгивает через мои синие пешки и приземляется у меня в тылу. Ее дерзкие маневры всегда обескураживали меня. Она ведь обычно так осторожничала. Я пошла в атаку, повторив ее ход, и спросила:

– Кого бы ты предпочла: красивого покровителя с дурным запахом изо рта или уродца, от которого хорошо пахнет?

Мириай засмеялась.

– Хорошая попытка, Бри. Но так легко тебе меня не отвлечь.

– Я и не пытаюсь, – проговорила я, стараясь спрятать улыбку. – Это действительно важно.

– М-м-м... – она забрала у меня вторую красную пешку, – тогда я выберу уродца.

– Я тоже, – ответила я, пытаюсь прорваться сквозь еще одно кольцо желтых пешек.

– Раз уж мы начали эту игру, теперь твоя очередь отвечать на вопросы. – Она двинула черную пешку на дальнюю клетку. – В кого ты предпочла бы влюбиться: в своего господина или покровителя?

– Оба варианта – кошмар, ужасный выбор, – пробормотала я.

– Отвечай.

Я смотрела на доску, пытаюсь найти выход из расставленных мне сетей.

– Ладно. Я предпочла бы влюбиться в покровителя.

Мои щеки горели, но я не сводила глаз с клеток. Ее вторая красная пешка была почти у меня в руках...

– Должна сказать, я предпочла бы господина.

Я подняла глаза, удивленная ее ответом. Она улыбалась. Встретившись со мной взглядом, она без усилий забрала мою последнюю красную пешку.

– Ты всегда побеждаешь в этой игре, – пожаловалась я.

– Ты проигрываешь, потому что никогда не защищаешь фланги, Бри. Я использую обходной маневр и побеждаю. – Она помахала моей красной пешкой как трофеем. – Сыграем еще?

Я возмущенно фыркнула, но моя сестра-избранная знала, что мне хочется сыграть еще партию. Мы расставили пешки по клеткам, и я стала ждать первого хода Мириай.

На сей раз мы не задавали вопросов. Я была слишком занята – двигалась зигзагами, старалась перехитрить Мириай, используя ее собственную победоносную тактику. Когда она кашлянула, я подняла глаза от доски и увидела, что она вот-вот заберет мою последнюю красную пешку.

– Теперь, – проговорила Мириай, – перейдем к самому важному вопросу.

– Ты о чем?

Она помедлила, пытаясь удержаться от смеха: ей снова удалось меня победить:

– Что ты скажешь господину Картье, когда он спросит, по-

чему у тебя синее лицо?

Глава 4. Три ветви

В понедельник утром я первой появилась в библиотеке, ожидая пока Цири и Картье придут на урок. Несмотря на старания Мириай вкуче со скипидаром Орианы, на моем лице еще лежала синеватая тень. Я решила распустить волосы и занавесить ими лицо. Локоны змеились по моей груди, длинные и капризные, красно-каштановые, казалось, они защищали меня, скрывали лицо и воспоминание о боевой раскраске.

Следующей пришла Цири. Она села напротив, с другой стороны стола.

– Я все еще вижу краску, – прошептала она. – Но, может, он не заметит.

Через пару секунд в комнату вошел господин Картье. Я притворилась, что чищу ногти, пока он раскладывал на столе книги. Волосы еще сильнее закрыли мое лицо. Я поняла свою ошибку, почувствовав на себе его взгляд. Его руки замерли. Конечно, он заметил, что я распустила волосы. Раньше я всегда заплетала их в косу, чтобы во время урока они не лезли в глаза. Я слышала, как он обошел стол и остановился рядом с Цири, чтобы лучше меня рассмотреть.

– Бриенна.

Я выругалась про себя, неохотно подняла голову и встретила с ним взглядом.

– Господин.

– Могу я узнать, почему... ты выкрасила половину лица синим?

Мои глаза метнулись к Цири. Она сжала губы, чтобы не захихикать.

– Можете, господин, – ответила я, пнув под столом Цири. – Я позировала. Ориана решила раскрасить мое лицо.

– Мы нарядили ее мэванской королевой, господин, – принялась объяснять Цири, и, омертвев от смущения, я смотрела, как она листала учебник истории в поисках изображения Лиадан Кавана. – Вот так.

Картье повернул к себе книгу, чтобы лучше видеть. Посмотрел на Лиадан Кавана, а потом – на меня. Я не могла сказать, о чем он думал. Счел ли это смешным или дерзким? Решил ли, что я смелая или глупая?

Мягко подтолкнув книгу к Цири, он проговорил:

– Что ж, расскажите мне о Лиадан Кавана.

– Что именно? – Цири всегда реагировала быстрее, чем я, и отвечала первой.

– Кем она была?

– Первой королевой Мэваны.

– А как она стала королевой? – Он обошел вокруг стола. Его голос стал глубоким и звучным, напомнив мне летнюю звездную ночь. Таким голосом должен был обладать менестрель.

– Ну, она принадлежала к клану Кавана, – ответила Цири.

– Почему это важно?

Цири колебалась. Неужели она действительно не помнила? Не в силах в это поверить, я смотрела, как морщинка проступила у нее на лбу, а голубые глаза уставились в стол, словно ответ можно было найти среди царапин на дереве. Она никогда не забывала сказанное Картье.

– Бриенна, – обратился он ко мне, когда молчание затянулось.

– Кавана произошли от драконов, – ответила я. – У них в крови была магия.

– А остальные тринадцать Домов Мэваны? – продолжал задавать вопросы Картье, хотя знал ответ. Так он учил нас с Цири: начинал разговор, и мы вспоминали небольшие исторические эпизоды – те, о которых он нам однажды рассказал.

– Нет, – сказала я, – другие Дома не владели магией, только Кавана.

– Но почему *королева*, а не король? – Наставник остановился у огромной карты на стене, его пальцы коснулись четырех стран, лежавших в нашем полушарии: острова Мэвана на севере, Гримхильдора на ледяном далеком западе, Валении и Бандекки на юге океана, омывавшего три покрытые горами земли. Дотронувшись до карты, он продолжил: – В Валении – король. В Бандекке – король. В Гримхильдоре – король. Во всех странах нашего полушария правят короли. Зачем бы Мэване, стране воителей и кланов, сажать на трон королеву?

Я улыбнулась, коснувшись пальцами царапины на столешнице:

– Потому что магия женщин Кавана сильнее мужской.

Я подумала о величественном портрете Лиадан Кавана. Вспомнила ее горделивую позу, синюю вайду на коже и кровь на ее доспехах, серебряную корону, украшенную бриллиантами на челе. Возможно ли, чтобы я оказалась ее потомком?

– Ты права, Бриенна, – кивнул Картье. – Магия всегда сильнее струится в женщинах, чем в мужчинах. Иногда я думаю, что это справедливо и в случае страсти, но вспоминаю, что страсть не волшебна и она не наследуется. Некоторые из нас выбирают страсть. – Он взглянул на меня. – А иногда страсть выбирает нас. – Он посмотрел на Цири.

Только тогда я поняла, какими разными мы с ней были, какую гибкость должен был проявить Картье на занятиях, чтобы обе его избранные учились соответственно своим наклонностям. Я предпочитала истории, Цири – факты.

– Итак, – он вновь мерил шагами библиотеку, – ты сказала, что Лиадан Кавана владела магией. Но почему ее избрали королевой тогда, триста лет назад?

– Из-за хильдов, – выпалила Цири, вклиниваясь в разговор. – Налетчики из Гримхильдора заполонили мэванское побережье.

– Да, – добавила я, – они и не представляли, что не смогут устроить и рассеять четырнадцать кланов Мэваны. Жестокость хильдов объединила мэванцев под властью королевы.

– И Лиадан была выбрана потому... – продолжил Картье.

– Потому что она владела магией, – сказала Цири.

– Потому что она объединила кланы, – ответила я. – Не просто потому, что Лиадан унаследовала магию предков. Она была воительницей, лидером и сплотила людей.

Картье остановился. Его пальцы были сомкнуты за спиной, но глаза встретились с моими в пляске утреннего света и тени. На один момент, один невероятно прекрасный момент, мне показалось, что он улыбнулся.

– Хорошо сказано, Бриенна.

– Но, господин Картье, – возразила Цири, – вы оба только что сказали, что ее выбрали из-за магии.

Тень улыбки исчезла, стоило ему перевести взгляд с меня на нее.

– Да, она владела могущественной магией, но нужно ли напоминать тебе, как магия Кавана вела себя в битве?

– Она выходила из-под контроля, – проговорила я тихо, но Цири и Картье слышали. – Магия обретала собственную волю во время битвы и кровопролития. Она обращалась против Кавана, сводила их с ума и искажала их намерения.

– Что же сделала Лиадан? – спросил меня Картье.

– Она не боролась с хильдами магией. Взялась за меч и щит, словно родилась в другом Доме, как будто вообще не владела колдовством.

Картье не надо было подтверждать мой ответ. Его глаза загорелись от удовольствия, что я помнила такой давний урок:

историю, которую он рассказывал, полагая, что мы не слушали.

Цири испустила глубокий вздох, и момент был упущен.

– Да, Цири? – спросил Картье, поднимая бровь.

– Было очень мило слушать, как вы двое вспоминаете историю первой королевы, – начала она. – Но мэванская история для меня неважна, не то что для Бриенны.

– Так о чем ты хотела бы поговорить?

Она ерзала на стуле.

– Может быть, вы расскажете нам о солнцестоянии? Кто выбранные покровители? Чего ждать нам с Бриенной?

Как бы я ни наслаждалась беседой с Картье о мэванской истории, Цири была права. Я снова попала в сети прошлого, вместо того чтобы смотреть вперед. Истории о мэванских королевах, скорее всего, не привлекли бы валенийского покровителя. Как мне было известно, Мэвана признавала страсти, но не приветствовала их.

Картье отодвинул стул и наконец сел. Сплетя пальцы, взглянул на нас:

– Боюсь, я не могу рассказать вам много о солнцестоянии, Цири. Я не знаю, кого из покровителей пригласила Вдова.

– Но, господин...

Он поднял указательный палец, и Цири замолчала, хотя я видела, как раздражение расцвело на ее щеках алыми пятнами.

– Я не могу сказать вам много, – продолжал он. – Но могу

намекнуть насчет покровителей. Трое из них будут искать госпожу Науки, одну – для каждой ветви.

– Ветви? – повторила Цири.

– Вернитесь к нашему первому уроку, много лет назад, – пояснил Картье. – Помните, я говорил, что наука разделяется на три ветви?

– Историк, – прошептала я, чтобы освежить ей память.

Она посмотрела на меня, понимание медленно проступало на ее лице.

– Историк, врач и учитель.

Он кивнул.

– Вам обоим придется найти подход к каждому из трех покровителей.

– Но как мы это сделаем, господин Картье? – спросила Цири, тревожно барабанив пальцами по столу. Мне хотелось сказать, что ей не о чем волноваться: она без труда очарует всех троих.

– Чтобы впечатлить историка, вы должны прекрасно помнить родословные, свободно говорить о любом аристократе. Особенно это касается членов королевской семьи, – объяснил Картье. – Чтобы произвести впечатление на врача, вы должны говорить о любой кости, каждом мускуле, органе, о травмах и ранах. Что до учителя... это сложнее всего. Лучший совет, какой я могу дать вам обоим: покажите, что вы можете справиться с любым делом и найти подход к любому ученику.

Должно быть, он заметил наши потухшие взгляды. Снова почти улыбнулся, положил ногу на ногу и сказал:

– Вы ошарашены. Обе посвятите остаток утра подготовке к солнцестоянию.

Цири тотчас вскочила с кресла, готовая вылететь из комнаты, чтобы поразмыслить над тем, что сказал нам Картье. Я медленно поднялась на ноги, во власти двух противоречивых желаний: мне хотелось остаться с ним и попросить, чтобы наставник рассказал мне *больше*, и одновременно хотелось остаться одной и самостоятельно все обдумать.

Я обошла его стул, направляясь к распахнутой двери, когда услышала, как голос Картье, мягкий и звучный, произнес мое имя.

– Бриенна.

Я остановилась. Цири, должно быть, тоже это услышала. Она задержалась на пороге и нахмурилась, глядя через плечо. Смотрела, как я возвращаюсь, а потом исчезла в глубине коридора.

– Господин.

Картье смотрел на меня снизу вверх.

– Ты встревожена.

Я глубоко вздохнула, готовая все отрицать и изображать уверенность. Но вместо этого прошептала:

– Да. Я боюсь, что не заинтересую покровителя и что не заслуживаю плаща.

– Почему ты так считаешь? – спросил он.

Я подумала о том, чтобы перечислить все причины, но тогда пришлось бы вернуться к самому первому, роковому, дню в Магналии, когда я сидела в коридоре и подслушивала и неожиданное появление Картье заглушило имя моего отца.

– Помнишь, что я сказал тебе, – продолжил он, – в тот день, когда ты попросила меня стать твоим наставником и выучить тебя за три года?

Я кивнула.

– Да, помню. Вы сказали, что мне придется работать вдвое больше: пока мои сестры будут отдыхать вечерами, мне придется учиться.

– Ты так и делала?

– Да, – прошептала я. – Я делала все, что вы говорили.

– Тогда почему ты переживаешь?

Я отвела взгляд, рассматривая книжные полки. Казалось, я не могла ему объяснить: это слишком обнажило бы мое сердце.

– Возможно, если я скажу, что уже выбрал для тебя созвездие, это придаст тебе смелости.

Мои глаза вновь метнулись к Картье, такого я не ожидала. Я смотрела на него, принца на троне науки, чувствуя, как колотится мое сердце. Это был его дар мне, дар наставника – ученице. Он должен был выбрать для меня созвездие, изобразить его на шелке моего плаща. Звезды, которые будут принадлежать только мне и символизировать расцвет моей страсти.

Картье не должен был говорить, что работал над моим плащом. И все же он сказал. Я вспомнила о его собственном плаще, голубом, как дикий василек, и о звездах, вышитых на нем. Это было созвездие Верин – цепь звезд, предсказывавшая триумф, несмотря на испытания и утраты.

– Да, – произнесла я. – Спасибо, господин Картье.

Я хотела уйти, но застыла на середине комнаты.

– Хочешь еще о чем-то спросить, Бриенна?

Я вновь подошла к нему. Встретилась взглядом.

– Да. У вас есть книга про Камень Сумерек?

Картье поднял брови:

– Камень Сумерек? Почему ты о нем спрашиваешь?

– Из-за портрета Лиадан Кавана... – робко начала я, вспомнив камень, висевший у нее на шее.

– А, да. – Картье поднялся с кресла и открыл кожаную сумку. Я смотрела, как он перебирал книги, пока наконец не вытащил древний и ветхий том, обернутый тонким пергаментом. – Вот. Страницы с восьмидесятой до сотой поведают тебе о Камне все.

Я осторожно взяла книгу, помня о ее хрупком корешке.

– Вы всегда носили ее с собой? – Мне это показалось странным, потому что на книге виднелась печать Мэваны. Кто бы стал разгуливать повсюду с томом мэванских преданий?

– Я знал, что однажды она тебе понадобится, – проговорил Картье.

Я не знала, что на это ответить. Присела в реверансе и ушла, не сказав ни слова.

Глава 5. Камень Сумерек

Тем вечером у нас с Картье не было индивидуального занятия. Все и забыли, что должен прибыть портной – снять с избранных мерки для платьев на солнцестояние. Но я никуда не ходила без книги. Мы с Цири стояли в коридоре, ожидая, когда портной позовет нас, и мои пальцы переворачивали хрупкие, испещренные пятнами страницы мэванской книги преданий, которую вручил мне Картье.

– Цири, послушай, – проговорила я, пробегая текст взглядом. – Происхождение Камня Сумерек неясно, но, по легендам, он был найден на дне пещерного пруда в горах Киллу. Оттуда его достала девушка из клана Кавана, которая принесла Камень старейшинам. После долгих споров Кавана решили привязать к нему свою магию. Из-за этого они постепенно потеряли способность превращаться в драконов.

Предание захватило меня, но Цири молчала. Подняв глаза, я увидела, что она застыла у стены, сверля взглядом деревянную панель.

– Цири!

– Меня не волнует *Камень Сумерек*, – процедила она. – Честно говоря, я вообще не желаю об этом слушать. Мне есть чем занять себя в эти дни.

Я захлопнула книгу, быстро перебирая в голове события утра и пытаюсь найти причину ее раздражения.

– Что случилось, Цири?

– Поверить не могу, что не видела этого прежде, – продолжала она.

– Не видела чего?

Наконец она подняла на меня глаза – холодной голубого льда, готового треснуть.

– Что господин Картье предпочитает тебя.

Я замерла, вне себя от ее слов. Не веря своим ушам, я выпалила:

– Нет! Цири, правда... у господина Картье нет любимцев.

– Семь лет я выбивалась из сил, чтобы впечатлить его, заслужить одобрение, увидеть хотя бы тень улыбки. – Ее лицо было смертельно бледным, зависть горела в ней словно пламя. – И вот появляешься ты. Видела, как он смотрел на тебя сегодня? Как хотел тебе улыбнуться? Вы щебетали о мэванской королеве и магии, будто меня вообще не было в комнате.

– Цири, пожалуйста, – прошептала я. Мой голос звучал хрипло от обиды: ее слова глубоко меня ранили.

– Он не мог ничего с собой поделать, – продолжала Цири. – Подозвал тебя и сказал, что уже выбрал тебе созвездие. Почему именно тебе? Разве он не мог сказать это и мне? А, все ясно: ты – его любимица, его фаворитка.

Мои щеки вспыхнули при мысли, что Цири подслушивала. Я не знала, что сказать: меня душил гнев, но спорить с ней было все равно что биться головой о стену. Она смотре-

ла на меня в упор, готовая к ссоре.

Портной распахнул дверь и позвал ее.

Проходя, Цири задела меня краем юбки. Я вдохнула аромат лилий, всюду сопровождавший ее, и моя сестра-избранная исчезла в комнате. Портной закрыл дверь.

Я медленно опустилась на пол. Ноги казались ватными. Я согнула колени и обхватила их руками, прижав к груди. Уставилась в стену. Голова начала пульсировать, и я устало потеряла виски.

Я никогда не думала, что была любимицей господина Картье. Ни разу. Меня смутило, что Цири могла прийти в голову такая глупость.

В доме Магналии существовали правила, которым неотступно следовали все наставники и наставницы. Нельзя иметь любимцев среди избранных. Они оценивали нас по определенной шкале во время солнцестояния, далекой от любых симпатий и антипатий, хотя, конечно, могли определенным образом помогать нам. Они не дарили избранной плащ, если она не раскрывала своей страсти. И, хотя их методы обучения различались, начиная с танца и заканчивая шуточными дебатами, общим было одно главное правило: они никогда нас не касались.

Господин Картье был почти идеален. Он ни за что не решился бы нарушить правила.

Я думала об этом, закрыв глаза, прижав ладони к пылающим щекам, когда почувствовала слабый запах дыма. Я глу-

боко вдохнула, впитывая его всем своим существом... *Аромат горящего дерева, сухих листьев, длинных переплетенных стеблей... Запах алой от огня стали... Дыхание ветра, прилетевшего с безоблачного синего неба...* И открыла глаза. Магналия пахла по-другому.

Свет вокруг изменился: из теплого и золотого стал холодным и сумрачным. До меня долетел далекий мужской голос.
– *Милорд! Милорд, она здесь и хочет увидеть вас...*

Я неуверенно поднялась на ноги, прислонилась к стене и посмотрела в коридор. Казалось, голос приближался, усталый и дребезжащий – голос старика, но я по-прежнему никого не видела. В голове промелькнула мысль о неизвестной мне потайной двери: возможно, из нее вот-вот должен был появиться слуга.

– *Милорд?*

Я отбросила эту догадку, когда поняла, что он говорил по-дайрински, на языке Мэваны.

Я хотела шагнуть вперед, чтобы найти говорившего, но дверь примерочной с грохотом распахнулась.

Из нее вылетела Цири и, не обращая на меня внимания, бросилась по коридору. Свет опять стал по-летнему золотым, едкий запах дыма исчез, незнакомый голос растаял среди пылинок.

– Бриенна, – позвал портной.

Я заставила себя сделать несколько шагов по коридору и вошла в примерочную. Аккуратно отложила в сторону книгу

Картье и застыла на возвышении, словно статуя, пока портной снимал мерки. Моя голова раскалывалась, на шее и запястьях неистово бился пульс. Я посмотрела на себя в зеркало.

Кожа белая как снег, карие глаза покраснели, губы сжались в линию. Казалось, я только что увидела призрака.

Большинство валенийцев скажут, что они не суеверны. Но это не так. Именно поэтому мы рассыпаем травы у порога в первый день каждого сезона и играем свадьбы только по пятницам. Поэтому все хотят, чтобы в семье было четное число сыновей.

Я знала, что святые порой являлись к грешникам, но это... Скорее, казалось, что Магналия населена призраками.

А если это правда, то почему я слышала их только *сейчас*?

– Замечательно, мадемуазель, вы свободны.

Я сошла с возвышения и взяла книгу. Портной, без сомнения, счел меня грубиянкой, но я не могла говорить: дыхание замерло у меня в горле, когда я открыла дверь...

Коридор был таким же, как всегда.

Я сделала шаг вперед, вдохнула запах свежего хлеба, доносившийся с кухни, слышала, как мелодия Мириай струится в воздухе словно ветер, почувствовала гладкие черно-белые плитки под подошвами туфель. Да, это была Магналия.

Я покачала головой, желая стряхнуть паутину, спутавшую

мои мысли и чувства, и посмотрела на книгу у себя в руках.

Под тонким пергаментом ее темно-бордовая обложка сверкала, словно рубин. Книга больше не была древней и потрепанной. Она казалась только что напечатанной и переплетенной.

Я остановилась, осторожно сняла пергаментную обложку и позволила ей упасть на пол. Я смотрела на книгу во все глаза – на название «Книга Часов», словно отчеканенное золотом. Я его даже не заметила, когда Картье передал мне том, таким потрепанным и старым он был. На обложке сверкала золотая пыль, и только, но теперь название читалось ясно.

Что я скажу ему, когда настанет время ее возвращать? Что коварная книжечка мэванских преданий повернула время вспять?

Стоило мне об этом подумать, как мое любопытство дало ростки. Я открыла книгу. На первой странице был изображен герб мэванского издательства и стоял год выпуска: 1430-й.

Пальцы на странице, как и руки, державшие книгу, мне больше не принадлежали.

Это были руки мужчины: большие, в шрамах. Под ногтями чернела грязь.

Испугавшись, я выпустила книгу. Но том остался в руках мужчины – в моих руках, – и я поняла, что оказалась прикована к нему. Пока я привыкала к его телу, высокому, мускулистому, сильному, свет вокруг нас вновь изменился: стал

тусклым и серым. Дым тонкой лентой струился по коридору.

– *Милорд! Милорд, она здесь и хочет увидеть вас...*

Подняв глаза, я поняла, что нахожусь уже не в Магналии – в другом коридоре из извести и камня. Факелы в железных подставках мерцали вдоль стены. Передо мной почтительно застыл человек, обладатель знакомого голоса.

Он оказался старым и лысым, с кривым носом. Кожаный камзол и черные бриджи, вытертые по краям, на боку висит меч. Старик поклонился мне.

– *Где она?* – Голос, согревший мне горло, был совершенно не похож на мой, он рокотал, как приглушенный гром, глубокий и мужественный.

Я больше не была Бриенной из Дома Магналии. Я стала странным мужчиной, стоявшим в некоем коридоре в глубинах прошлого. Книга связала наши тела и мысли. И пока мое сердце колотилось от ужаса у меня в груди, душа была спокойна. Я наблюдала за ним изнутри, пользуясь его глазами и чувствами.

– В библиотеке, милорд, – ответил камергер, еще раз склонив лысую голову.

Мужчина, с которым я оказалась связана, закрыл книгу и, обдумывая то, что он только что прочел – что я только что прочла, – зашагал по коридору и вниз, по винтовой лестнице, в библиотеку. Перед двойными дверьми он остановился и вновь взглянул на «Книгу Часов». Были мгновения, когда ему хотелось поверить в эти легенды так же, как и в магию.

Но не теперь. Он бросил книгу на кресло и распахнул двери.

Принцесса стояла спиной к нему у арочного окна, свет играл на ее темных волосах. Конечно, она явилась к нему в доспехах, с длинным мечом у бедра. Словно пришла воевать с ним.

Нора Кавана обернулась и посмотрела на него. Она была третьей дочерью королевы – не самой красивой, но ему все еще трудно было отвести от нее взгляд.

– Принцесса Нора, – поприветствовал он ее, низко поклонившись, – чем я могу помочь вам?

Они сошлись посреди огромной библиотеки, где воздух был спертым и их голоса не могли услышать.

– Вы знаете, зачем я здесь, милорд, – произнесла Нора.

Он смотрел на нее, любовался изящным носом, четкой линией подбородка, шрамом, бегущим по щеке. Она не была ленива, как ее старшая сестра, наследница. Не была расточительна и жестока, как средняя. Нет, подумал он, в ее глазах плескалось синее пламя. Она была грацией и сталью, воином и дипломатом одновременно, подлинным отражением Лиадан, своей прародительницы.

– Вы пришли, потому что волнуетесь из-за хильдов, – откликнулся он. Речь всегда шла о них, настоящих врагах Мэваны.

Нора отвела взгляд, посмотрела на полки, ломившиеся от свитков и книг.

– Да, набег хильдов вынудили мою мать объявить им войну.

– А принцесса не желает войны?

Услышав это, она вновь взглянула на него, раздраженно сощутив глаза.

– Я не хочу видеть, как моя мать использует магию во зло.

– Но хильды – наши враги, – возразил он. Только наедине он мог позволить себе противоречить ей, чтобы узнать, насколько сильны ее убеждения. – Возможно, они заслуживают того, чтобы боевая магия их сломала.

– Никогда нельзя использовать магию в сражении, – прошептала принцесса, шагнув к нему. – Вы это знаете и верите в это. Вы говорили об этом, сколько я себя помню. Я выросла, внимая вашим предупреждениям, училась владеть мечом и щитом по вашим сказкам. Я подготовилась к дню, когда буду защищать свою землю сама – клинком, а не магией.

Его сердце забилося медленней, воздух между ними сгустился. Ей было всего шестнадцать, и кто бы мог подумать, что эта принцесса, третья дочь, которой никогда не унаследовать корону, о которой почти все забыли, единственная запомнит его слова?

– Королева, ваша мать, так не думает, – заметил он. – Ваши сестры – тоже. Они расценивают свою магию как преимущество в битве.

– Это не преимущество, – сказала Нора, качая головой. – Магия – опасный союзник. Я читала ваши заметки по этому поводу, изучала войну Лиадан и пришла к собственным заключениям...

Она медлила. Он ждал. Ждал ее слов.

– Нельзя позволить моей матери вести магическую войну.

Он отвернулся от принцессы. Это заявление опьянило его, пробудило собственные амбиции и гордыню. Нужно отвечать осторожней – или она отвернется от него.

– Чего вы хотите от меня, принцесса Нора?

– Хочу, чтобы вы дали совет и помогли мне.

Он остановился перед большой картой, висевшей на стене. Его взгляд нашел остров – Мэвану: ее побережье и горы, леса и долины. Далеко на западе лежала замерзшая земля Гримхильдора. На юге – королевства Валения и Бандекка. Мысль, поселившаяся у него в голове, дала побег и расцвела на языке...

– Вы можете сказать королеве, что Валения никогда не придет Мэване на помощь, если мы будем использовать боевую магию. – Он развернулся и посмотрел на Нору. – Честно говоря, скорее всего, они разорвут наш союз.

– Нам не нужна помощь Валении, – отрезала принцесса. В ней показалась надменность, которой обладали все Кавана.

– Не отказывайтесь от поддержки валенийцев так быстро, принцесса. Они – наши сильные союзники и верные братья. Будет глупо рассориться только из-за того, что

ваша мать решила вести магическую войну.

Лицо Норы не смягчилось. Она не покраснела и не извинилась за свою вспышку.

Он вновь подошел к ней, встал так близко, что едва не коснулся грудью ее доспеха, мог ощутить запах горного воздуха в ее волосах, и прошептал:

– Вы понимаете, что ваша мать может стереть Гримхильдор с лица земли, обратить Валению в рабство, погрузить Бандекку в вечный мрак? Что она способна разбить наш мир на куски своей боевой магией?

– Да, – прошептала она в ответ.

Это несправедливо, подумал он: что дом Кавана единственный обладал магией, а остальные тринадцать домов оказались совершенно беззащитными, слабыми и хрупкими, что тоненькая девушка, стоявшая перед ним, могла спалить его родной край одним щелчком пальцев, словом остановить его сердце. И все же он должен был разжечь огонь, что охватит землю, должен был вытащить клинок и убить ее. Он чувствовал, как магия охватывала ее, подобно крохотным бриллиантам на доспехах, звездной пыли в волосах, лунному свету на коже.

О, он всегда ненавидел Кавана.

Он вспомнил о том, что сейчас прочел в «Книге Часов»: предание о появлении Камня Сумерек. Стоит ли верить дурацкой сказке про то, что старейшины Кавана действительно связали магию с Камнем? Либо они были глупцами,

либо боялись собственной силы. Они утомили ее.

А он собирался озвучить свое подозрение – вероятно, она будет смеяться, услышав его, но сейчас именно это ему и требовалось.

– Вы должны принести мне Камень Сумерек, – сказал он принцессе, глядя, как морщинка проступила у нее на лбу.

– Что? Зачем?

– Магия вашей матери и сестер, ваша магия, принцесса, активна, когда одна из вас носит Камень у сердца. Если разлучить Камень с Кавана, магия уснет.

Она втянула воздух сквозь сжатые зубы, но он понял, что его слова не удивили ее. Так она знала? Знала, что женщины ее дома должны носить Камень, чтобы владеть магией? И ее клан, Кавана, держал это в тайне. Кто так решил? Сама Лиадан?

– Откуда вам это известно, милорд?

Он улыбнулся, глядя на нее с высоты своего роста. На губах его застыла горечь.

– Долгие годы я читал ваши легенды, принцесса. Это была всего лишь догадка, но по вашим глазам я вижу, что случайно наткнулся на правду.

– Я не могу забрать Камень Сумерек, – почти простонала Нора. – Моя мать никогда его не снимает.

– Не можете или не хотите? – возразил он. – Вы боитесь огня магии в своей крови, верно?

Нора смотрела в окно: снаружи наконец разразилась гро-

за, дождь хлестал по стеклу.

— Мать обезглавит меня, если я попадусь, пытаюсь взять Камень, или она узнает, что я передала его... вам.

— Думаете, я могу его уничтожить? — огрызнулся он, терпя терпение. — Если вы не забыли, принцесса Нора, Камень Сумерек сожжет меня, посмей я к нему прикоснуться.

— Она решит, что я вступила с вами в заговор, — продолжала девушка, не обратив внимания на его слова.

Он вздохнул, устав ее уговаривать.

— Думаю, вам нужно время, чтобы все обдумать. Возвращайтесь в замок, принцесса. Поразмыслите над тем, что я вам сказал и о чем попросил. Если решите, что сможете усмирить магию вашей матери другим путем, мы отыщем его. Но если нет... вы должны принести мне Камень. Иначе мы увидим, как боевая магия вашей матери разрушит мир.

Лицо Норы было бесстрастным. Он не мог прочесть на нем ее мысли и чувства.

Он смотрел, как принцесса уходила. Библиотечные двери с лязгом захлопнулись у нее за спиной.

Она вернется, он знал. Должна вернуться, потому что другого пути нет. Должна, ибо боится собственной магии.

Я едва заметила, что он исчез, а его тело, заключавшее меня, растаяло, как туман, вылетевший в окно. Мой взгляд прояснился, словно я смахнула с век песчинки сна. Я стояла в знакомой библиотеке Магналии. «Книга Часов» все еще

была у меня в руках: опять старая, потрепанная и ветхая. Когда-то она принадлежала ему, мужчине, в которого я обратилась. Эта книга была в коридоре мэванского замка сто тридцать шесть лет назад.

Я зажмурилась, от солнца голова разболелась еще сильнее. Нашупав дверную ручку, я на нетвердых ногах вышла в коридор, поднялась по лестнице стиснув зубы, когда до меня долетел громкий смех Сибиллы.

Казалось, я только что ударилась головой о камень. Хотелось проверить, нет ли раны.

Я вошла в свою комнату и закрыла дверь.

Надо было заниматься, готовиться.

Но все, на что я оказалась способна, — это отложить книгу, рухнуть на кровать и закрыть глаза, мечтая, чтобы боль в голове утихла, и пытаясь усмирить бешеное биение сердца.

Я вспоминала все, что видела, снова и снова, пока остались лишь два вопроса: *почему* и *кто*. Почему я видела это? Кто был тот мужчина?

Я так и не услышала его имени.

Глава 6. Падение

Следующим утром я на полчаса опоздала на урок Картье. Это было немного чересчур. Обычно я никогда не опаздывала, даже будучи избранной остальных четырех страстей. Мне была невыносима мысль, что Цири считает меня любимицей Картье. Я не могла допустить, чтобы это заблуждение встало между нами, разбило наши сестринские узы и дружбу. Мне хотелось, чтобы Цири выкинула эту идею из головы. Хотелось доказать, что Картье относится ко мне так же, как и к ней. Опоздание было лучшим способом вывести его из себя.

Я вошла в библиотеку и первым делом посмотрела на наставника. Картье замер у стола: экзаменовал Цири. Его льняные волосы были перехвачены лентой, белая рубашка притягивала солнечный свет. Мое сердце забилося так, что сделалось больно, едва он обернулся и взглянул на меня.

– Назови кости черепа, – велел он Цири. Я скользнула в свое кресло.

Та впервые за время наших общих занятий словно онемела. Ее глаза, голубые, как бескрайнее летнее небо, распахнулись.

– Л-лобная кость, теменная кость, скуловая кость...

Картье подошел ко мне. Он часто ходил во время урока, ничего необычного в этом не было, но я уловила в его поступи обещание бури. Он остановился у моего локтя, доста-

точно близко, чтобы я почувствовала искры напряжения в воздухе.

– Ты опоздала, Бриенна.

– Да. – Я посмела поднять глаза. Его лицо ничего не выражало. Я не могла сказать, сердит он или спокоен.

– Почему? – спросил Картье.

– Простите меня, господин. У меня нет оправдания.

Я ждала, что он накажет меня, задаст какое-нибудь кошмарное сочинение, где я должна буду подробно описать неразумность опозданий. Но этого не произошло. Он отвернулся, обогнул стол и продолжил мерить шагами библиотеку.

– Теперь назови кости руки, Цири.

Цири закатила глаза, едва он повернулся к нам спиной. Я знала, что она имела в виду: *«Видишь, Бриенна, тебе все сходит с рук»*.

Я слушала, как она стала перечислять кости руки – ей не было равных в человеческой анатомии, – и размышляла, чем бы еще рассердить Картье. Цири назвала плечевую кость, и я заговорила, грубо ее оборвав.

– Плечевая кость, лучевая кость, локтевая кость, кость запястья...

– Я спросил не тебя, Бриенна. – Голос Картье был ровным, как стекло. В нем звучало предупреждение. Он взглянул на меня из угла комнаты.

Я прикусила язык и попыталась не чувствовать себя виноватой. Я ведь именно этого и добивалась: хотела разозлить,

разгневать его.

– Теперь, Цири, – продолжал Картъе, закрыв глаза и потирая переносицу, словно устал, – пожалуйста, перечисли кости ноги.

Она провела пальцами по столешнице и в смятении взглянула на меня.

– Наружный мышцелок, медиальный мышцелок, буг...

– Бугристость большеберцовой кости, – снова встряла я, – большая берцовая кость, малоберцовая кость...

– Бриенна, – стремительно оборвал он меня, – ты отстранена от занятия.

Я поднялась на ноги, сделала реверанс и вышла, не глядя ни на него, ни на нее. Бросилась вверх по лестнице. Мое сердце трепетало, как струна арфы.

Я села на постель и уставилась на «Книгу Часов», которая все еще лежала на прикроватном столике со времени видения и казалась потрепанной и безобидной. Пospорив с собой, я решила открыть ее и прочесть еще абзац, чтобы *он* забрал меня в 1430 год. Но время шло, а я по-прежнему сидела на кровати, читая мэванские предания.

Услышав тихую мелодию старых часов в прихожей, я осторожно закрыла книгу и обернула ее пергаментом. Последний урок окончился, а я сглупила.

Я слушала голоса сестер, возвращавшихся из классов, торжественные и оживленные. Они завершили свое обучение, были готовы к солнцестоянию.

Я подумала обо всем, что должна выучить до воскресенья, и неохотно взяла с полки случайную книгу. Оказалось, это том королевских родословных, которые мне нужно было знать наизусть.

Дверь распахнулась – в комнату ворвалась Мириай с лютней. Она не ожидала меня увидеть.

– Бри? Что ты тут делаешь?

– Уроки, – ответила я, криво улыбнувшись.

– Но они же закончились, – возразила она, положив лютню на кровать, и шагнула ко мне. – Мы собираемся на праздничный пикник. Ты должна пойти с нами.

Я почти согласилась. Чуть не захлопнула том, забыв обо всем, что должна была выучить, но мой взгляд упал на «Книгу Часов». Мне надо было поговорить о ней с Картье – возможно, необходимо было больше всего на свете. О ней и моем видении.

– Хотелось бы, – сказала я и подумала, что Мириай стащит меня с кровати и спустит с лестницы, когда Абри позвала ее из прихожей.

– Мириай!

– Бриенна, пойдем, пожалуйста, – прошептала Мириай.

– Мне нужно кое о чем поговорить с господином Картье.

– О чем это?

– Мириай! – вновь закричала Абри. – Поторопись, они уедут без нас!

Я посмотрела на нее: мою сестру, мою подругу. Пожалуй,

она была единственным человеком на свете, который бы не решил, что я сошла с ума, если бы я рассказала ей, что случилось, рассказала бы о моем превращении.

– Потом расскажу, – прошептала я. – Иди, пока Абри не сорвала голос.

Мириай задержалась еще на секунду, сверля меня взглядом, но поняла, что спорить со мной бесполезно. Она вышла, не сказав ни слова. Я слушала, как она спускалась по лестнице, как лязгнула входная дверь.

Я встала и подошла к окну, выходявшему на парадный двор. Смотрела, как мои сестры-избранные сели в открытые экипажи, смеясь, тронулись в путь и скрылись за дубовыми ветвями.

Только тогда я схватила «Книгу Часов» и бросилась вниз по лестнице. Я едва не столкнулась с Картье в прихожей: с плащом, перекинутым через руку, с сумкой, он собирался уходить.

– Я думал, ты уехала, – заметил он.

– Нет, господин.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Дом затих, будто подслушивал нас. Словно я задержала дыхание, прежде чем броситься в омут.

– Могу я попросить вас о вечернем занятии?

Он сжал ремешок сумки и фыркнул:

– Я прогнал тебя с одного урока, а ты хочешь другого?

Улыбка расцвела у меня на губах, я подняла его книгу.

– Может, обсудим ее?

Он бросил взгляд на обложку и снова посмотрел в мои виноватые глаза.

– Хорошо, если будешь вести себя как обычно.

Мы вошли в библиотеку. Он начал раскладывать свои вещи, а я остановилась у кресла и положила на стол «Книгу Часов».

– Я хотела, чтобы вы меня отстранили, – призналась я.

Картье посмотрел на меня, приподняв бровь:

– Так я и думал. Почему?

Я выдвинула стул и села, сплетя пальцы, как послушная ученица.

– Цири считает, что я – ваша любимица.

Он взял стул Цири и сел напротив меня. Положил локти на стол, подпер подбородок ладонью, в его полуприкрытых глазах зажглись веселые искры.

– Почему она так думает?

– Я не знаю.

Он молчал, но его взгляд скользил по моему лицу, впитывая каждую черточку. Я помнила, насколько легко он читал мои мысли – так, словно для него они были знакомым стихотворением. Я пыталась не хмуриться и не улыбаться, но Картье заговорил снова:

– Ты знаешь. Почему?

– Думаю, из-за нашего разговора. Вчера она почувствовала себя лишней.

– Когда мы говорили о Мэване?

– Да, – я не стала упоминать об улыбке, – кажется, она волнуется из-за покровителей, оттого что придется соревноваться со мной.

На самом деле об этом беспокоилась я – ужасно боялась, что солнцестояние превратится для нас с Цири в состязание, что мы выберем одного покровителя.

Его взгляд стал тяжелым. Тень веселья исчезла из глаз. Он выпрямился в кресле.

– Вам не нужно будет соревноваться. У тебя одни таланты, у нее – другие.

– Что вы имеете в виду? – осторожно уточнила я.

– Ты похожа на меня. По природе своей ты – историк, очарованный прошлым.

Я не могла поверить своим ушам. Как легко он сказал то, о чем я боялась спросить. Аккуратно я сняла обложку с «Книги Часов» и положила том на стол, между нами.

– Кстати, о прошлом, – начала я, глубоко вздохнув. – Где вы взяли эту книгу?

– Там же, где и большинство остальных, – ответил Картье, – у книготорговца.

– Вы купили ее в Мэване?

Помолчав, он произнес:

– Нет.

– Значит, вы не знаете, кто владел ею до вас?

– Странные вопросы, Бриенна.

– Мне просто любопытно.

– Пусть так. Я не знаю ее прежнего хозяина. – Картье откинулся на спинку кресла, снова глядя на меня из-под полуприкрытых век. Он говорил правду, я видела это по его глазам.

– А вы... видели или чувствовали что-то необычное, когда читали ее?

– Каждая книга порождает образы, Бриенна.

Мои слова стали казаться глупыми. Я решила сменить тему, несколько уязвленная его сарказмом, – наверное, он почувствовал это и тотчас смягчился. Его голос лился как мед.

– Тебе понравилось предание о Камне Сумерек?

– Да, господин. Но...

Он ждал, пока я продолжу.

– Что с ним случилось? – закончила я.

– Никто не знает, – пожал плечами Картье. – Он пропал в 1430-м, в последний год, когда Мэваной правила королева.

1430-й. Год, в котором я каким-то образом оказалась. Я сглотнула – в горле пересохло, сердце забилось быстрее. Я вспомнила, о чем говорили принцесса и тот мужчина.

Принесите мне Камень Сумерек.

– Последняя мэванская королева? – переспросила я.

– Да. Случилась кровавая магическая битва. Как ты уже знаешь из истории Лиадан, магия Кавана в бою становилась дикой и страшной. Королеву зарезали, камень исчез, эре волшебства настал конец. – Картье барабанил пальцами по сто-

ду с отсутствующим взглядом, словно потерявшись в таких же тревожных, как мои, мыслях.

– Но мы все еще зовем Мэвану страной королевы, – возразила я, – не короля.

– Король Ланнон надеется это вскоре исправить.

Ах, король Ланнон. Услышав его имя, я подумала о трех вещах: жадности, власти и стали. О жадности – потому что он уже повелел чеканить мэванские монеты со своим профилем. О власти – потому что он ограничил сообщение между Валенией и Мэваной. О стали – потому что он предал большинство несогласных мечу.

Но Мэвана не всегда была такой мрачной и опасной.

– О чем ты думаешь? – спросил Картье.

– О короле Ланноне.

– Неужели о нем можно думать так долго?

Я лукаво взглянула на своего наставника.

– Да, господин Картье. На мэванском троне сидит король, а должна – королева.

– Но почему должна? – насмешливо спросил он, проверяя и мои знания, и умение формулировать мысли.

– Так говорила Лиадан Кавана.

– Лиадан Кавана мертва уже двести пятьдесят лет.

– Она, может, и мертва, – улыбнулась я, – но слова ее живы.

– Какие слова, Бриенна?

– Королевский Канон.

Картье наклонился вперед, словно расстояние между нами было огромным. Я повторила это движение, чтобы встретиться с ним на середине дубового стола – свидетеля всех моих занятий.

– Что такое Королевский Канон?

– Закон Лиадан, провозглашающий, что Мэваной должна править лишь королева, не король.

– А где документ, подтверждающий существование этого закона? – поинтересовался он тихим, зловещим голосом.

– Пропал.

– Камень Сумерек утерян. Королевский Канон утерян. Мэвана утеряна. – Картье отстранился, снова опускаясь на стул. – Канон – это закон, устраняющий королей и оставляющий трон и корону доблестным дочерям Мэваны. Когда Канон исчез в 1430 году, следом за Камнем Сумерек, страна оказалась на грани гражданской войны, пока в игру не вступил король Валении. Ты знаешь эту историю.

Да, я ее знала. Валения и Мэвана всегда были союзниками, братом и сестрой, страной короля и страной королевы. Но Мэвана, внезапно лишившись владычицы и магии, распалась. Четырнадцать Домов снова стали кланами. Валенийский король не был глупцом. С другой стороны пролива он наблюдал, как мэванские лорды грызутся и воюют за престол и власть. Как только он прибыл в Мэвану, тут же повелел четырнадцати северным лордам нарисовать на камнях эмблемы своих домов и бросить их в шлем, чтобы он мог выбрать

правителя севера. Лорды согласились. Всех их переполняла гордыня, каждый считал, что достоин стать королем. Тревозно смотрели они, как рука валенийского правителя опустилась в шлем, перебирая гальку. Он вытащил камень Ланнона, на котором была изображена рысь.

– Король Валении посадил мужчин Ланнонов на трон, – прошептала я, и при мысли об этом в моем сердце сплелись гнев и сожаление.

Картье кивнул, но искра гнева вспыхнула и в его глазах. Он продолжил:

– Я понимаю намерения валенийского короля. Он считал, что исполняет свой долг, спасает Мэвану от ужасов гражданской войны. Но ему стоило остаться в стороне и дать ей самой сделать выбор. Валения была страной короля, и он верил, что Мэвана тоже привыкнет к мужчинам на троне. Так доблестные сыны Ланноны оказались у власти.

Мне было ясно, что, если бы мэванцы слышали изменнические речи Картье, его непременно казнили бы. Я вздрогнула, ощутив, как страх вонзил в меня зубы, но убедила себя, что мы в самом сердце Валении, далеко от мертвой хватки Ланнона.

– Вы говорите как «Темное Перо», господин, – заявила я. «Темным Пером» назывался ежесезонный листок, издававшийся в Валении, газета, полная смелых догадок и историй, выходивших из-под руки анонима, ненавидевшего мэванского короля. Картье обычно приносил эти заметки нам

с Цири. Мы их читали, смеясь, краснея и споря о дерзких утверждениях.

Картье фыркнул, очевидно, польщенный моим сравнением.

– Правда? Чем же мне нарисовать портрет северного короля? Смирненными словами на бумаге? Или всей кровью, что он пролил, всем золотом, что он скопил, слезами всех женщин, что он убил?

Мы смотрели друг на друга, дерзкие слова «Темного Пера» повисли в воздухе, между нами.

– Нет, я не настолько смел, чтобы говорить такое, – наконец признался Картье, – или не настолько глуп.

– Пусть так, господин Картье... Но ведь жители Мэваны помнят о Королевском Каноне? – возразила я.

– Королевский Канон, созданный Лиадан, – не единственный закон Мэваны. С помощью магии она выгравировала его на каменной скрижали. Эту скрижаль невозможно было уничтожить, но сто тридцать шесть лет назад она исчезла. А слова, даже законы, быстро забываются и превращаются в прах, если не передаются из поколения в поколение. Но нельзя сказать, что Мэвана не чтит память предков и забыла голоса прошлого.

– Память предков? – как эхо отозвалась я.

– Странное явление, – пояснил Картье. – Господа Науки изучали его и пришли к выводу, что все мы обладаем ею, нам доступны избранные воспоминания предков, но мы не

обращаемся к ним, и они таятся в нашем сознании. Иногда, впрочем, мы воскрешаем их, устанавливая связь между прошлым и настоящим.

– Значит, возможно, волю Лиадан однажды исполнят? – Я почувствовала сладость надежды.

Его глаза блеснули, и мне стало ясно, что я принимаю желаемое за действительное.

Я задумалась. Мои мысли снова вернулись к Ланнону, и я произнесла:

– Но ведь должен быть способ защитить мэванский трон от... такого короля.

– Все не так просто, Бриенна.

Картье молчал, и я затаила дыхание.

– Двадцать пять лет назад три лорда взбунтовались против Ланнона, – начал он. Я знала эту леденящую кровь историю, но мне не хватило духа прервать Картье. – Лорд Мак-Квин, лорд Морган, лорд Кавана – все они хотели посадить на трон старшую дочь Кавана. Но без Камня Сумерек и без Королевского Канона другие лорды не поддержали их. План рухнул. Ланнон отплатил им, казнив леди Мак-Квин, леди Морган и леди Кавана. Он зарезал их дочерей. Некоторые из них были еще детьми, но мэванский король всегда будет бояться женщин, пока Королевский Канон Лиадан не найден.

От этой истории на душе у меня стало тяжело. Сердце болело, ведь я тоже была наполовину мэванкой, наследницей отважных людей, сгинувших во мраке.

– Бриенна.

Я моргнула, отгоняя тоску и страх, и посмотрела на своего наставника.

– Однажды королева восстанет, – прошептал он, словно у книг могли быть уши. – Возможно, это увидят наши потомки, но не мы. Но Мэвана вспомнит свою природу и объединится ради великой цели.

Я улыбнулась, но тяжесть в груди не исчезла. Она навалилась мне на плечи, угнездилась внутри.

– Ладно, – вздохнул Картье, постукивая костяшками по столу. – Мы так легко отвлекаемся. Давай поговорим о солнцестоянии, чтобы я мог помочь тебе.

Я вспомнила его слова о трех покровителях, о том, какие знания необходимо было продемонстрировать.

– У меня все еще трудности с королевскими родословными.

– Тогда с них и начнем. Выбери самого древнего аристократа, какого помнишь, и дойди до него по мужской линии.

На сей раз в моем кармане не лежало письмо от дедушки, способное меня отвлечь. И все равно я зевнула, перечислив несколько имен. Картье слушал меня, глядя в стену, и сделал вид, что не заметил зевка. Чтобы не зевнуть снова, я взяла со стола книгу в твердой обложке и, взметнув юбки, встала на стул.

Наставник изумленно посмотрел на меня.

– Что ты делаешь?

– Мне нужно немного развеяться. Присоединяйтесь, господин, – улыбнулась я, кладя тяжелый том себе на голову. – Я продолжу называть имена, но первый, кто уронит книгу, проиграет.

Я сделала это лишь потому, что устала и хотела добавить азарта. Потому что хотела испытать его, как он испытывал меня уже три года. Потому что нам нечего было терять.

Я никогда не думала, что он согласится.

Когда Картье взял «Книгу Часов» и поднялся на стул, я была приятно удивлена. Как только он положил книгу на голову, я ухмыльнулась. Он больше не казался взрослым, бесконечно далеким и хладнокровным всезнайкой. Нет, он был гораздо моложе, чем я думала.

Мы стояли на стульях, лицом к лицу, с книгами на головах. Господин и его избранная. Избранная и ее господин.

Картье улыбнулся мне.

– Что ты отдашь мне, когда проиграешь? – поддразнил он.

– Кто сказал, что я проиграю? – возразила я. – Вам стоило выбрать книгу в твердой обложке.

Я замерла, как и моя книга, и продолжила перечислять имена. Я оговорила всего раз, и Картье осторожно меня поправил. Я спускалась по лестнице аристократов, и улыбка все еще играла у него на губах.

Я почти закончила, когда книга Картье наконец стала падать. Он взмахнул руками, как птица – крыльями, чтобы вернуть равновесие. Но движение оказалось слишком резким, и

я увидела – победительница, не верящая своим глазам, – как он с грохотом свалился со стула, пренебрегая достоинством ради «Книги Часов».

– Господин, вы в порядке? – спросила я, пытаюсь не захихикать.

Картье выпрямился. Волосы выбились из-под ленты и рассыпались по плечам, отливая золотом. Он смотрел на меня и смеялся – звук, которого я прежде не слышала и который, едва он стих, захотела услышать вновь.

– Напомни мне никогда не играть с тобой снова, – попросил он, приглаживая волосы и затягивая ленту. – Что я должен отдать за проигрыш?

Я взяла свою книгу и спрыгнула со стула.

– Хм... – Я обошла стол, чтобы оказаться рядом с ним, пытаюсь разобраться в путанице, царившей у меня в голове. Действительно, что мне у него попросить? – Возможно, мне стоит попросить «Книгу Часов»? – выдохнула я, гадая, не слишком ли она дорогая, чтобы стать подарком.

Но Картье просто вложил том мне в руки и произнес:

– Мудрый выбор, Бриенна.

Я хотела поблагодарить его, но заметила на его рукаве пятнышко крови.

– Господин! – Я потянулась к его руке, совершенно забыв, что нам запрещено касаться друг друга. Я спохватилась, прежде чем коснуться тонкой материи его рубашки. Отдернув пальцы, я неуверенно сказала: – Вы... вы ранены.

Картье опустил глаза и коснулся рукава.

– А, это... просто царапина. – И отвернулся, словно пытаясь спрятать от меня руку.

Я не видела, чтобы он поранился, упав с кресла. Его рукав не был порван, а значит, эта рана была старой и открылась от удара.

С замиранием сердца я смотрела, как Картье собирал вещи. Мне не терпелось узнать, как он поранился, хотелось, чтобы он остался. Но я подавила это желание, проглотила как маленький камешек.

– Мне пора, – произнес Картье, перекидывая ремень сумки через здоровое плечо. Кровь все еще шла, медленно расползаясь по ткани.

– Но ваша рука... – Я едва не коснулась его снова.

– Все будет хорошо. Проводи меня.

Я пошла за ним следом, в прихожую, где он накинул плащ. Река голубого шелка скрыла его руку. Лицо Картье посветлело, как только это случилось.

– А теперь, – начал он, снова серьезный и собранный, как будто мы никогда не стояли, смеясь, на стульях, – не забудь: ты должна подготовить три подхода – к каждому покровителю.

– Да, господин Картье. – Я сделала заученный реверанс.

Я смотрела, как он открывает входную дверь. Нас ослепил солнечный свет. Теплое дыхание ветра, принесшего ароматы диких трав и далеких гор, всколыхнуло мои волосы и ча-

яния.

Картье застыл на пороге – на границе света и тени. Я думала, он обернется. Казалось, он хотел сказать мне что-то еще. Но ему, как и мне, прекрасно удавалось хранить тайны. Он шагнул за порог – плащ трепетал на ветру, сумка с книгами болталась на плече, когда он шагал к конюшне за лошадью.

Я не видела, как он уезжал.

Но я это чувствовала.

Стоя среди теней в прихожей, я ощущала, как увеличивается разделяющее нас расстояние, пока он беззаботно ехал среди дубов.

Глава 7. Подслушивание

Летнее солнцестояние обрушилось на нас, словно буря. Покровители остановились в западном крыле огромного дома. Всякий раз, когда их экипажи въезжали во двор, Сибилла звала нас к своему окну, чтобы мы взглянули на гостей.

Всего их было пятнадцать: мужчин и женщин разных возрастов. Одни были господами страсти, другие – нет.

Я так нервничала, что не могла смотреть на их прибытие. Я попыталась выскользнуть из комнаты, но Сибилла схватила меня за руку, прежде чем мне это удалось. Она развернула меня, заставляя встретиться с ней взглядом.

– В чем дело, Бриенна? – прошептала моя сестра-избранная. – Это – одна из самых захватывающих ночей в нашей жизни, а ты выглядишь так, словно собралась на похороны.

У меня вырвался тревожный смешок.

– Я нервничаю, только и всего. Ты же знаешь, я не так хорошо подготовлена, как вы с сестрами.

Сибилла взглянула сквозь горевшее на солнце стекло – мы услышали, как во двор въезжает еще один покровитель, – и вновь посмотрела на меня.

– Разве ты не помнишь первого урока госпожи Терезы, когда ты стала избранной Интриги?

– Я пытаюсь обо всем этом забыть, – коротко ответила я. Сибилла сжала мои пальцы и ободряюще улыбнулась.

– Я освежу твою память. Мы сидели на диване, была гроза, и госпожа Тереза сказала: «Чтобы стать госпожой Интриги, нужно научиться носить маску. В твоём сердце может быть буря, вроде той, что за окном, но лицо должно оставаться бесстрастным. Никто не должен услышать её ярость в твоём голосе...»

Постепенно я начала вспоминать.

Чтобы стать госпожой Интриги, нужно прекрасно владеть лицом и собой, показывать и скрывать то, что необходимо. Это и правда походило на маскарад – искусство прятать истинные чувства.

– Возможно, именно поэтому я была ужасной интриганкой, – заметила я, вспомнив, как Картье читал мое лицо словно открытую книгу.

Сибилла улыбнулась и вновь сжала мои пальцы, заостряя мое внимание на своих словах:

– Если решишь сохранить воспоминание об Интриге, помни о маске. Сегодня изобрази уверенность вместо тревоги.

Ее слова утешали. Она поцеловала меня в обе щеки, перед тем как отпустить.

Я вернулась к себе. Ходила среди инструментов Мириай и стопок собственных книг, снова и снова повторяя три представления, которые я так старательно подготовила. К тому времени, как явились горничные, чтобы одеть нас, я вся вспотела.

Я знала, что каждая знатная и преданная страсти валений-ка носит корсет, но все же не была готова сменить привычное, простое платье избранной на клетку из китового уса и причудливые кружева.

Впрочем, как и Мириай.

Мы стояли лицом друг к другу, пока служанки зашнуровывали нам корсеты, дергали и тянули за ленты. Я видела боль в глазах Мириай, когда она восстанавливала дыхание, пытаясь привыкнуть к новой одежде и необходимости держать спину прямо. Я делала то же самое. Она держалась лучше меня, научилась за годы выступлений. Моя осанка, испорченная сидением за книгами, оставляла желать лучшего.

«Нет страсти без боли», – сказал однажды Картье, когда я пожаловалась на головную боль на уроке.

Я приветствовала ее этой ночью – агонию, сочетающуюся со славой.

Неудивительно, что я ахнула, когда из свертка достали мой наряд на солнцестояние: три изысканные вещи.

Первая – нижние юбки, все в кружевах. Затем верхняя юбка из серебристой ткани с глубоким разрезом. И, наконец, само платье – синий, отливающий сталью шелк, не скрывающий серебра верхнего слоя ткани.

Верхняя юбка Мириай была розовой, с золотистым отливом, а само платье – розовато-лиловым. Я поняла, что она носит свой цвет – пурпур Музыки, как я – синий, символизирующий глубины Науки. Очевидно, это было сделано для

покровителей, чтобы они могли различать нас по цветам.

Я смотрела на Мириай. Ее коричневая кожа блестела в теплых ранних сумерках, служанки разглаживали последние морщинки на наших юбках. Моя соседка и лучшая подруга была очаровательна. Сила страсти исходила от нее словно сияние.

Мириай встретила со мной взглядом, и в ее глазах я прочла то же удивление: она смотрела на меня так, будто никогда прежде не видела.

Когда она улыбнулась, я расслабилась в летнем полумраке. Я была готова раскрыть свою страсть, как и она. Мы семь лет ждали этого мгновения.

Волосы Мириай заплели в косы, перевив золотистыми лентами. Мне же, вызвав немалое мое удивление, служанки принесли венок из диких цветов – причудливое сплетение красных и желтых анемонов, несколько нежных розовых лепестков в ярком кольце синих васильков.

– Ваш господин сделал его для вас, – объяснила горничная, надевая на меня венок словно корону. – Он велел, чтобы ваши волосы были распущены.

И они остались распущены. Это было необычно и немного смущало. Я смотрела на свое синее с серебром платье, длинные каштановые локоны и гадала, зачем Картье потребовал этого.

Я шагнула к окну и стала ждать Мириай, запрещая себе думать о наставнике и повторяя очередную родословную. Я

прошептала имя девятого сына, когда служанки вышли из комнаты, сопровождаемые вздохом Мириай.

– Кажется, мне десять, – проговорила соседка, когда я к ней обернулась, – или одиннадцать, или даже двенадцать. Это и правда наше семнадцатое лето, Бри?

Странно было думать о том, как медленно до определенного мгновения тянулось время. Затем оно хлынуло как поток, унося нас вперед, к этой ночи. А я все еще не чувствовала себя готовой...

– Куда ушло время? – вздохнула Мириай, глядя на лютню в изголовье кровати. В ее голосе слышалась печаль, ведь к следующему вторнику мы должны покинуть это место. Ее могут забрать на запад, меня – на восток, и мы, возможно, никогда больше не встретимся.

Мое сердце кольнуло словно иглой, ком подступил к горлу. Я не хотела думать о расставании, маячившем на горизонте. Подойдя к Мириай, я взяла ее за руки – мне хотелось сказать ей что-нибудь, но я знала: стоит открыть рот, как рыдаюсь.

Она все поняла, нежно сжала мои пальцы и улыбнулась так, что на щеках появились ямочки.

– Думаю, мы опоздали, – прошептала она. Дом вокруг нас затих.

Мы затаили дыхание, прислушиваясь. Из окон до меня долетал отдаленный шум праздника, начавшегося на заднем дворе под звездами. Переливы смеха, гул голосов, звон бо-

калов.

– Надо идти, – сказала я, подавляя тревогу.

Мы вместе вышли из комнаты и обнаружили, что мы не последние опоздавшие на солнцестояние избранные. Абри стояла на лестничной клетке в платье черного, как полночная туча, цвета. Ее рыжие волосы поднимались надо лбом – локоны, удерживаемые заколками с драгоценными камнями. Абри вцепилась в перила так, что побелели костяшки, и посмотрела на нас с облегчением.

– Слава всем святым, – выдохнула она, стиснув корсет. – Думала, я последняя. Это платье ужасно. Мне трудно дышать.

– Позволь, я помогу, – предложила Мириай, убирая пальцы Абри с ее талии.

Я боялась упасть с лестницы, как и Абри, так что помедлила, привыкая к тому, что нижние юбки метут пол с каждым шагом. Мои сестры спустились в прихожую и скрылись в коридоре, их шаги стихали по мере того, как в тених они шли к дверям, ведущим на задний двор.

Я бы догнала их, но край моего платья зацепился за последнюю ступеньку, и мне пришлось потратить минуту, чтобы освободиться. К этому времени от сочетания тесного платья и голода у меня перед глазами плясали темные пятна.

Я медленно свернула в длинный коридор, направилась к задним дверям и тут услышала голос Цири. В нем звучала грусть, но слов я разобрать не могла. Подойдя ближе, я по-

няля, что она говорит с кем-то в кабинете Вдовы.

– Не понимаю! Я ведь была вашей первой избранной.

– Чего ты не понимаешь? – проговорил Картье. Его голос был низким, как рокот грома в сумерках. Я остановилась у дверей кабинета – они были чуть приоткрыты.

– Вы собираетесь весь вечер водить ее за ручку, забыв обо мне?

– Конечно нет, Цири.

– Это несправедливо, господин.

– А разве жизнь справедлива? Взгляни на меня, Цири.

– Я делала все, что вы просили, – прошипела она. – А вы... ведете себя так, словно...

– Словно?.. – Картье начал терять терпение. – Словно ты не раскрыла своей страсти?

Цири молчала.

– Я не хочу, чтобы мы ссорились, – проговорил наш наставник, смягчившись. – Ты прекрасно подготовилась, Цири. Ты – самая лучшая из всех моих избранных. Поэтому сегодня ночью я отойду в сторону и позволю тебе блистать.

– А как же Бриенна?

– Бриенна... – эхом повторил мое имя Картье. – Не волнуйся из-за нее. Но если я увижу, что ты решила с ней соревноваться... ты пожалеешь, что я стал твоим господином.

Я услышала, как ахнула Цири, а может, и я сама. Я вцепилась в стену, в резные завитки деревянной панели, и почувствовала, как гнутся мои ногти, пока я пыталась схватиться

за что-то твердое и надежное, чтобы успокоиться.

— Вы останетесь моим господином лишь в эту последнюю ночь, — мрачно проговорила Цири. — Но если покровитель, которого выберу я, заинтересуется ею...

Ее голос понизился до рычания. Я продолжила путь настолько тихо, насколько могла, надеясь, что они меня не слышат.

В блеске эркерных окон я разглядела белые шатры солнцестояния на лужайке. Смотрела, как по ней сновали слуги с подносами в руках, уставленными напитками. Слышала смех, летевший в ночное небо. Увидела всполох зеленого платья Сибиллы, когда она подошла к покровителю. Ее красота умножалась с каждым шагом, разбиваясь на части в трехстворчатом окне. Я стояла почти на пороге. Его украшали травы, рассыпанные в честь наступления нового сезона.

Но я не вышла в задние двери.

А свернула направо, в тихий сумрак библиотеки.

Осторожно, как будто мои кости были стеклянными, я опустилась на стул, на котором просидела все уроки Картье. Я думала о том, что слышала, жалея, что остановилась у дверей кабинета.

Никогда еще в Магналии наставник не учил двух избранных. У каждой были свой господин или госпожа. Теперь мне стало ясно, почему Вдова организовала все именно так. Мы не должны были соревноваться, но это оказалось неизбежно. Избранные не должны соперничать друг с другом, но а если

им пришлось?

Стоит ли говорить что-то Цири?

Нужно ли оставить ее в покое?

Надо ли избегать Картье?

Или необходимо с ним встретиться?

Я сидела, обдумывая эти вопросы, пока не почувствовала, что ночь солнцестояния зовет меня. Я не могла больше прятаться здесь как трусиха.

Поднявшись в водовороте шелка, я покинула библиотеку и шагнула из дверей на террасу. Я дрожала, пока не взглянула вверх – в ночное небо, полное снов и звезд, которое венчал золотой полумесяц. Скоро одно из этих созвездий станет моим.

Я шла, задумавшись, подол платья, шелестя по траве, стирал последние секунды моего детства.

Я много лет готовилась к этой ночи, подумала я и вдохнула аромат лета.

Куда ушло время?

Не зная ответа, я шагнула навстречу солнцестоянию.

Глава 8. Летнее солнцестояние

Всего шатров было шесть. Первый – огромный, в самом в центре – окружали пять поменьше, напоминая лепестки розы. Каждую балку увивал плющ, каждую дорожку венчали ветви цветущих пионов, кремовых гортензий, венки лаванды. Серебряные фонари покачивались на веревках, паря, как светлячки, их свечи наполняли ночь ароматами жимолости и розмарина.

Я замерла на лужайке, не зная, что предпринять, и прислушиваясь к шуршанию травы под подошвами своих туфель. Затем до меня донеслись завораживающие переливы лютни Мириай. Музыка привела меня к первому шатру, заставила раздвинуть складки трепещущего белого батиста и шагнуть внутрь, словно под балдахин к незнакомцу.

Траву устлали ковры. В шатре хватало диванчиков и кресел для непринужденной беседы. Это сделали специально для Мириай, вскоре поняла я, ее инструменты были повсюду: сияющий клавесин, скрипка, тростниковая флейта – они ждали ее прикосновения. Она же сидела на скамеечке среди подушек, играя на лютне для двух женщин и мужчины – трех ее покровителей.

Я осталась у входа в шатер, где тени заглядывавшей внутрь ночи могли меня спрятать. По правую руку стояла госпожа Мириай – Эвелина. Ариал музыки, она выбрала это

место, чтобы тихонько наблюдать за происходящим, ее глаза блеснули от слез. Она слушала игру Мириай.

Песня была сладостной и неторопливой. Я внимала ей, и мне захотелось сбросить это тяжелое платье и выбрать другое – воздушное, чтобы танцевать на пастбищах или купаться в речке. Возникло желание попробовать все фрукты на свете, испытать каждый лунный луч. Я чувствовала себя древней и юной, мудрой и наивной, любопытной и опытной.

Ее музыка всегда так на меня действовала, кружила мне голову. В нашей комнате она играла мне бесчисленными вечерами, когда я была обессилена, расстроена или чувствовала, что бездарна и не смогу раскрыть свою страсть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.